

Н А Т А Л Ь Я

АНДРЕЕВА

БЕЗДНА

ВЗЫВАЕТ К БЕЗДНЕ

СТО СОЛНЦ В КАПЛЕ СВЕТА

Сто солнц в капле света

Наталья Андреева

Бездна взывает к бездне

«Автор»

2014

Андреева Н. В.

Бездна вызывает к бездне / Н. В. Андреева — «Автор»,
2014 — (Сто солнц в капле света)

ISBN 978-5-17-083082-4

Первая половина XIX века. В имении разорившегося помещика, в сельской глуши, скучают пять его дочерей. И вдруг...Размеренное течение жизни нарушено, в деревню к тетушке приезжает сосланный за дуэль столичный лев, красавец и повеса Серж Соболинский, а вслед за ним миллионер, владелец огромного состояния граф Ланин. Вместе с графом в уезде появляется и само зло, индийский алмаз «Сто солнц в капле света», за которым из глубины веков тянется кровавый след. Сестры оказываются втянуты в драматическую историю с неожиданными поворотами сюжета и непредсказуемым финалом... Ранее книга издавалась под названием «Сто солнц в капле света»

ISBN 978-5-17-083082-4

© Андреева Н. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

О главном герое	6
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Андреева

Бездна вызывает к бездне

«...Алмаз придает владельцу твердость и мужество, сохраняет члены его тела... Алмаз должен быть получен свободно, без принуждения и насилия, тогда он имеет наибольшую силу. Однако часто случается, что хороший алмаз теряет силу из-за греховности и неводержанности человека, который носит его».

«Лapidарий» (Сборник трактатов о камнях XVI века)

© Андреева Н., 2014

© ООО «Издательство АСТ»

Любое использование материала этой книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

О главном герое

«Во времена давние и стародавние, в далекой и загадочной стране Индии, где люди ездят на слонах и где никогда не бывает зимы и снега, а прямо под ногами лежат золото и камни драгоценные, жил-был властный правитель, всемогущий раджа. И было в его сундуках богатства столько, что если бы роздал он большую часть всем своим подданным, дабы накормить их досыта, а меньшую оставил бы себе, то и этой малости хватило бы ему, чтобы жить безбедно до конца своих дней. Ничего не отдавал людям жадный раджа, но хотел, чтобы они приносили к нему во дворец все найденные в земле и воде алмазы и прочие сокровища, дабы сделать его еще богаче. Ибо земля была его, и вода была его, и воздух, которым они дышали, тоже был его. А если что-то вдруг утаивали и раджа узнавал об этом, то посылал он стражу свою, вора хватили и казнили без всякой жалости. И доносили друг на друга жители страны его, ибо всех держал правитель не только в нужде, но и в великом страхе.

Чем больше у раджи было сокровищ, тем делался он жаднее и требовал, чтобы не только найденные драгоценности, но и большую часть имущества, и одежды своей, и пищи подданные несли бы к нему во дворец. И все это обращал он в золото и алмазы, а потом относил богатство в сокровищницу, где запирали в кованые сундуки, а охраняли все это злые стражники. Огнем и мечом прошел по земле своей всемогущий правитель и ободрал всех до нитки, чем вызвал ненависть великую в сердцах людей. И не было в его стране человека, который не желал бы ему смерти. Но в страхе жили люди, и все, что они могли, это молиться тайком богам своим.

И была у раджи любимая дочь, лицом бела, щеками румяна, станом стройна, с волосами смоляными, черными, как ночь. О ее неземной красоте ходили легенды. Лишь исполнилось принцессе шестнадцать годков, как потянулись во дворец женихи, все принцы, да князья, да знатные люди, да сыновья знатных людей. Но раджа запер ее в роскошных покоях, сокрыв от людей и молвы, и велел сторожить, не смыкая глаз, как величайшее из своих сокровищ.

А принцессе сказал счастливый отец:

– Как же ты прекрасна, дочь моя! Я выдам тебя замуж за человека могущественного, влиятельного и богатого, но взамен потребую половину всего, чем он владеет. И тогда я буду самым богатым и могущественным правителем на земле, и все мне покорятся.

Так говорил раджа, играя длинными черными косами своей красавицы-дочери, и драгоценные перстни на пальцах его рассыпали искры, и любовался ею счастливый отец, и радовался, ибо блеск камней драгоценных красоты принцессы затмить не мог. «Но, увы!» – горестно вздыхали все его подданные! Прекрасна, как день, была принцесса, но в груди у нее вместо сердца лежал камень. Она была зла, капризна и жестока и не дорожила ничем и никем, и отцом своим в том числе. И не только обогатить его не хотела, но мечтала лишить его всего богатства.

– Сама буду править! – смеялась принцесса. – А к отцу подошло убийц! И земли его станут моими, и сокровища его станут моими, и все люди его станут моими подданными!

Но никто не говорил радже о том, что замышляет его любимая дочь, ибо ненависть к правителю давно уже переполнила чашу людского терпения. Но надеялись на будущего мужа принцессы, что будет он человеком незлым и справедливым и усмирит ее ярость. О том и молились.

Меж тем женихи все шли и шли во дворец, и поток их не иссякал. Но жаден был отец, а дочь его еще жаднее. Ставили перед ними подносы с дарами, несли еще и еще, когда говорили они: «Мало!» Но, увидев это, думали раджа с дочерью: «Значит, можно еще?» И распалялись все больше, и вновь говорили:

– Мало!

– Еще хочу! Еще! – топала ногой злая принцесса. – Разве есть на свете девушка красивее меня? Разве мой отец простой человек? Пусть заплатят за мою красоту наивысшую цену!

И улыбался раджа, счастливый отец. Несметные богатства лежали в сундуках его, но ценнее всех сокровищ была любимая дочь.

И отступались женихи, и шли искать счастья к другим правителям, более сговорчивым. Шли искать других невест, пусть и не таких красивых, но зато с добрым сердцем и благородной душой. Ибо женщину украшают Добродетели, главные из которых Смирение, Терпение и Покорность мужу своему.

Наконец, дошли вести и до правителя самой могущественной и богатой на свете державы о красоте принцессы, о несметных богатствах ее отца. Решил он женить старшего сына на гордой и своевольной красавице и отправил к радже своих послов. Перед ними отправил караван с дарами, а вслед поехал и сам принц. Когда во дворец раджи вошел караван, изумление было велико! Несметные богатства прислал отец жениха: дорогие украшения, специи и благовония, тончайшие и редчайшие ткани, невиданных животных, а невольникам и невольницам не было числа. Даже сам раджа пришел в изумление и раздулся от радости и гордости. И тут же дал согласие на брак, ибо заветная мечта его исполнилась. И принцесса, пожав плечами, сказала надменно:

– Хоть принц меня и не стоит, я готова стать его женой. Я согласна.

– И вы даже не взглянете на жениха своего, ваше высочество? – робко спросила одна из ее подданных. – А вдруг он собой не хорош или же человек недобрый?

– Все, что мне надо, я вижу, – высокомерно ответила красавица, кивнув на бесценные дары. И принялась примерять перстни и серьги да прикладывать к себе отрезки заморских тканей.

Прослышав об этом, задумался принц. Решил он взглянуть на свою невесту: так ли уж она хороша, как говорят? И, переодевшись в бедное платье, пошел во дворец к радже. И пустили его, потому что был он человеком не злым и справедливым. Но прежде чем открыться, решил юноша проверить добродетели невесты своей. Он сказал стражникам, что принес во дворец сокровище, которому нет цены, а все остальные перед ним меркнут, и хотел бы сделать подарок принцессе в знак преклонения перед ее неземной красотой, о которой немало наслышан. Слуги передали правителю его слова.

Жадный раджа согласился взглянуть на сокровище, которому нет цены, и даже дочь его надменная, закрыв лицо, вышла к бедному юноше. А вдруг он принес алмаз невероятной красоты и размера? Если так, то бедняка надо казнить, а камень отобрать. Потому что земля, по которой он ходит, и воздух, которым он дышит, ему не принадлежат. И сама жизнь ему не принадлежит.

– Что ты принес мне? – надменно спросила принцесса.

– Я принес тебе сокровище.

– Показывай!

– А ты не покажешь мне взамен свое лицо? Говорят, оно прекрасно!

– Я – дочь раджи! Не престало мне баловать бедняков своей красотой! Показывай, что принес!

– Это мое сердце, – скромно, но с достоинством ответил юноша. – А самое бесценное, что у меня есть, – это моя жизнь. И я дарю ее тебе.

– А зачем мне сердце такого бедняка, как ты? – рассмеялась злая красавица. – Разве может оно меня украсить? Разве могу я украсить им свою шею или палец? Разве я могу его продать? И что мне за дело до твоей жизни? Она и так принадлежит мне! Я могу ее оборвать в один момент! Велю отцу – и тебе отрубят голову! Так и будет! Потому что ты обманул меня! – притопнула она ногой.

– Ты обманул нас! – разгневался и раджа. После чего позвал стражу и велел казнить юношу.

А был он прекрасен собой, с множеством добродетелей, а также достойным сыном отца своего, но принцесса этого не видела. Напрасно кричал юноша, что он сын всесильного правителя, караван которого привез во дворец богатые дары, и просил позвать послов своего отца. Над ним только смеялись раджа и его жестокая дочь. Ибо богатые люди не ходят без слуг и в бедной одежде, а речи их не пусты, равно как и набитые золотом карманы. Тут же, у трона, свершилась казнь, а верные слуги принца появились слишком поздно.

А когда они узнали правду, негодование их было велико. Разгневались послы и решили отправиться с караваном в обратный путь, но захватил его алчный раджа, не выпустил за ворота, а всех чужеземцев, прибывших с караваном, и послов в том числе, стражники перебили. Узнал об этом правитель великой державы, и началась война. Войско пришло несметное, недолго длилась осада, ворвались воины во дворец раджи и кинулись в его сокровищницу. И смеялись, набивая карманы золотом воины-победители, глумились над идолами, сиречь, над иноземными богами, ибо у них был один только Бог, а прочее есть ересь.

Раджу убили его же слуги, а принцесса спряталась в башне. Воины искали ее, ибо у них был приказ правителя найти ее, но гордая красавица предпочла смерть неволе и позору. Разожгла она огонь в башне да и задохнулась в дыму. И был в городе том великий пожар. Прекрасный дворец раджи сгорел дотла, а в развалинах его победители искали сокровища не один день. И один из воинов нашел на пожарище огромный камень-алмаз, размером с сердце юной девы. Спрятал его, никому не сказав об этом и не показав. Но ночью во хмелю проговорился и был убит другим воином. А тот вскоре погиб в сражении. Ехал по полю брани на белом коне генерал, увидел огромный камень – алмаз красоты невиданной и подобрал его. Увез тайно в свою страну, никому ничего не сказав. Но вскоре умерла молодая жена его. И сын тоже умер. И продал он тогда алмаз, а деньги проиграл в карты, да еще и должен остался. Не смог вернуть долг, да и застрелился в конце концов.

Так начались странствия пруклятого камня, известного под именем «Сто солнц в капле света». Но в народе говорят, что это сердце сгоревшей принцессы и что оно приносит владельцу одни лишь несчастья, потому что это сердце жестокого и злого человека. И что владеть им опасно, ибо это убивает. Всякий, кто увидит сей камень, бойся! Всякий, кто возьмет его в руки...»

– Барышня, вы здесь?! Барышня!

Шурочка невольно вздрогнула. Крепостная девка, взятая еще по осени к маменьке в услужение, приоткрыла дверь и звала ее. Ишь, как старается!

– Маменька вас к себе просят, – а глаза так и бегают! Всю комнату взглядом обшарила! Сейчас побежит доносить! – Опять читаете? Что ж вы глаза-то портите, барышня! Темень-то какая!

– Отстань, Варька! Поди прочь!

– Грех вам, барышня, меня гнать. Я девушка подневольная. Евдокия Павловна велели вам платье мерить. Пожалуйте к барыне.

– Опять сестрины обноски. – Шурочка с досадой захлопнула книгу. – Вы и сделать-то как следует не умеете! Знаю я тебя, Варька! Ну, что смотришь?

– Откуда это у вас?

– Купила!

Заулыбалась Варька! Все, и дворовые в том числе, знают, что денег в доме нет. Давно уж Иванцовы в долгах как в шелках, а поместье заложено-перезаложено. Маменька считает каждую копейку, попробуй, допросись у нее денег на книжку! Да и то сказать, какая же это книга? У офени купила, которые по деревням ходят, а у них разве есть что путное? Офени

торгуют галантереей, лубками, а из книжек – все сказки с цветными картинками. Говорят, что в Москве в каждом трактире сидят такие писаки и строчат за пятьдесят рублей про Бову Королевича, графов с милордами, про заморские страны, коих никогда не видали. Продаются эти книжки на рынках, по лавчонкам, куда знатные люди и не заходят. А читают их небогатые купчихи да зажиточные крестьянки. А те, кто побогаче, они же и с образованием, то читают, к примеру, господина Загоскина да «Прекрасную магометанку, умирающую на гробе своего супруга»¹. В большой моде у знати господин Лермонтов, вот бы кого почитать! Поэма «Демон» давно уже вышла в свет, а Шурочка ее еще в руках не держала! Да и проза, говорят, у него хороша. Но на такие книги у маменьки денег не допросишься, поэтому и приходится покупать копеечный товар у офени и читать эти наивные сказки. Вот тебе, пожалуйста! «Сказка про алмаз»! И картинка тут же. Принц, принцесса, сияющий камень в руках у воина-победителя. Эх, ей бы, Шурочке Иванцовой, этот алмаз...

– Что стоишь, Варька? Беги, доноси!

– Да что вы такое говорите, барышня...

Глаза в пол, а сама аж зарделась от удовольствия. Младшую дочь Евдокия Павловна не жалует, вот и повод есть на нее накричать да в комнате запереть, без ужина оставить. А дворовой девке за это награда: сегодня без порки. Барыня всегда найдет, за что наказать. Ох и лютая! Вот Варька и старается. И все в доме стараются Евдокию Павловну не злить.

Оттого и увлекается Шурочка чтением сказок. Как приятно унести мысли из обветшавшего дома, помечтать, забыться... Там, в книжках, сказочные дворцы, слоны и падишахи, принцы с принцессами и неземная любовь. Пусть выдумка, пусть не бывает! Но как хочется-то... Сил нет, как хочется!

А здесь что? Старый господский дом, заросший сад, пьяненький папенька в стеганом халате и ночном колпаке, которые он и летом в жару не снимает, мать-тиранка да сестрицы-сплетницы. Всего-то и радости, что скоро лето. Можно купить у коробейника копеечную книжку и убежать в сад, где белая беседка среди кустов жасмина и сирени, черное озеро с кувшинками да старая лодка. Нет, и там найдут, и маменька будет браниться, а сестры радоваться. Опять Сашка попалась! Опять читает недозволенное! «Моветон», – презрительно говорит Евдокия Павловна и кидает книжки-лубки в печку. Хоть бы дворне отдала! Они красивые картинки на стенку повесят! Так нет! Лучше сжечь! Иванцовы хоть и нищие, но гордые. Маменька-то в столице родилась, в Москве, говорит, что у нее там знатные родственники. Чуть ли не князья. Что ж ты тогда у них денег не попросишь? Нет, лучше сидеть безвылазно здесь, в глуши, без денег, без всякой надежды. Какая же тоска! Старшие сестры бывали в Москве, а она, Шурочка, нигде не бывала. Ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. И никто ее туда не повезет. Никогда.

За что же ее маменька так не любит? Что она ей такого сделала? Одна радость: сесть в лодку да уплыть на другой берег озера, посмотреть хотя бы одним глазком на богатую соседскую усадьбу. Это же не дом, а самый настоящий замок! Как в сказке! Он сияет окнами в кругу лучей-дорожек, сам похожий на солнце, а вечером везде огни, суетятся люди, ржут лошади. Сюда тянутся подводы, все время что-то перестраивается, облагораживается и без того дивный парк. А чего, спрашивается, дворне так суетиться, если хозяин бывал в усадьбе раза два за последние пять лет? Не жалует это имение его сиятельство. А почему, понять трудно? Красиво, чисто. Разве что от обеих столиц далеко. Да и то сказать, места здесь глухие, малообжитые. Сюда разве что в ссылку, но никак ради удовольствия.

¹ «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» – популярный в XIX веке в России роман Н. Зряхова.

Шурочка с улыбкой вспомнила, какой переполох наделал прошлым летом приезд старого графа! И в округе весь год только об этом и говорили. О том, сколько повозок с графским добром пришло следом, о поваре-французе, с которым его сиятельство не расстанется, о данном в доме-замке балу, на который ее, Шурочку, увы, не взяли. Сказали, что мала еще. Мала! Из вредности маменька не взяла, потому что дочерей у нее пять, и старшие еще не замужем. В девках засиделись. Уже и младшей черед пришел, а ее все взаперти держат. Как будто она рябая или хромая. Так и будут держать до старости!

Она вздохнула и с тоской посмотрела в окно. Вот так и пройдет жизнь. Уж лучше утопиться! Говорят, грех. А жить так – не грех? Ишь! Женщину украшают добродетели, главные из которых Терпение и Смирение. Это у кого нет других украшений. Женихи-то к принцессе шли, потому что она была красавицей! А Смирением дряблую шею не прикроешь. Вон, у старшей сестрицы, Мари, вся кожа в пятнах и складках. Что ж теперь, ждать, пока ее замуж возьмут? Да не возьмут уже, ясно всем. А что же остальным сестрам делать? Чего ждать?

Она взяла с комода ручное зеркальце, посмотрела в него, и слезы сами собой высохли. Тут ни Терпения не надобно, ни Смирения, коли щеки так румяны, волосы выются, а глаза сияют. «Да, кстати, и касаясь Покорности. Мужу своему, говорите! Кто в доме главный? Маменька! А папенька пусть убоится. И то верно: не надо столько пить! И делом пора бы заняться, а то управляющий – вор и деревенский староста – вор. Барин слабый, вот они и пользуются. А барыня что? Женщина! А к женщине легко втереться в доверие, и обмануть ее легко...»

– Барышня Шурочка! Где вы?!!

– Да иду я! Иду!

«Вот привязалась! Выслуживается! Что ж, запрут ее, Шурочку, в комнате – так вылезет в окно. Пусть говорят, что барышне это не пристало. И – в соседнюю усадьбу! На тот берег озера! Дорожка проторенная, авось никто не хватится. Долго еще не приедет граф, что ему тут делать? Говорят, он бывает на балах у самого Государя, живет то в Петербурге, то в Москве, а то и за границей, в Париже. Что ему здесь делать, в глуши, среди простых и малообразованных людей? А значит, можно забраться тайком в дивный парк и с книжкой в руках посидеть на одной из белых мраморных скамеек, помечтать. Жалко ему, что ли? Не убудет!

Ах, лето! Когда же ты наступишь!

Глава 1

Отставной майор, разорившийся помещик Василий Игнатьевич Иванцов никогда и не был человеком богатым. В бытность свою в столице, при службе, он ничем особым не выделялся среди молодых гвардейских офицеров: в меру пил, раза два дрался на дуэли, проиграл как-то в карты под честное слово свое годовое жалованье и долг вернул, что тоже, в общем, было делом обычным. Скромное состояние родителей не позволяло ему быть мотом и делать очень уж большие долги, однако же слыл он в офицерской среде своим в доску и добрым малым. Чин майора Василий Иванцов честно заслужил в боях с французами, в 1812 году, когда военная карьера делалась стремительно, и даже тридцатилетние генералы не были исключением, а скорее правилом. Но до того, то есть до генерала, не хватило Иванцову знатности, и если уж быть честным до конца, то храбрости. Отчаянной до дерзости отваги и лихости, такой, чтобы меньшими силами, не раздумывая, успешно атаковать противника. Живота своего Василий Игнатьевич не щадил и был предан Отечеству и Государю. Потому брожения декабря двадцать пятого года его не коснулись, да он в ту пору был уже далеко.

Но была в его жизни и большая удача: еще до войны случилось Василию Игнатьевичу познакомиться со своей невестой, настоящей московской барышней. В те времена воспитание оных состояло из трех простых вещей: умения танцевать, говорить по-французски лучше, чем на родном языке, и быть набожной. А кроме того, почитать родителей и исполнять их волю беспрекословно. Евдокия Павловна происходила из старинного, но обедневшего рода князей Михайловых-Замойских. Она была воспитана, как и положено настоящей аристократке, в имении родителей под Москвой, и в шестнадцать лет вывезена в столицу на ярмарку невест. Юная Евдоки была хороша собой, прекрасно танцевала и была замечена в свете. Тут-то и приключилась с ней несчастная любовь: жених вроде бы наметился, да подвернулась ему невеста богаче и знатнее, а прекрасная Евдоки тотчас была забыта. А ведь были и стихи в альбомах, и нежные пожатия руки, и балы, где молодой человек Евдоки, можно сказать, *компрометировал*, то есть не отходил от нее ни на шаг. И будь у нее не сестры, а братья, непременно случилась бы дуэль. А так обошлось...

В свете пошли *толки*: а нет ли в красавице какого-то изъяна? С молоденькой девицей случилась от любовного томления горячка, и думали было, что не выживет, да княжна поправилась, и была увезена матерью в глухую деревеньку, подальше от столицы, поправлять здоровье и избавляться от любовного недуга. А заодно и пережить, пока скандал сам собой сойдет на нет.

В это же время в соседнюю деревеньку нагрянул с неожиданным визитом бравый молодой человек, гвардейский офицер Василий Иванцов. Приехал, как обычно, просить у родителей денег, да задержался. Уж больно хороша была княжна. Евдокия Павловна сначала твердо ответила «нет». Да и то сказать, партия была не блестящая. Но старая княгиня всерьез задумалась. На выданье и другие дочки, кто знает, как повлияет на их судьбу недавний московский скандал? Иванцов-то вовремя *подвернулся*. Евдоки поплакала было, но матери перечить не стала. Вскоре сыграли свадьбу. То, что ее просто-напросто сбыви с рук, Евдокия Павловна осознала потом, тогда же и превратилась во вздорную бабу, тиранящую всех своих домочадцев.

Приданое за невестой Василий Игнатьевич получил, против ожидания, очень уж небольшое. Можно сказать, пустяшное. Надумал обидеться, да вспомнил о ее родне и московских связях, и решил, что сумеет всем этим со временем воспользоваться: пристроить будущего сына к хорошему месту и выгодно женить. Он рассчитывал при помощи жениной родни записать наследника в гвардейский полк еще до рождения, как это было тогда принято. Евдокия Павловна тут же и понесла, а еще не родившееся дитя стараниями князя К*, московского родственника, было определено в гвардию. Но по истечении положенного срока родилась у Иванцовых

первая дочь, Мари. Воспитанная гувернанткой-французской Евдокия Павловна в своем московском доме поначалу говорила только по-французски, первое время и в деревне было также. Поэтому дочерей своих она звала на французский манер и обязательно с прононсом.

Неродившийся сержант был отчислен из полка, как внезапно заболевший и скончавшийся в одночасье, а Василий Игнатьевич предпринял другую попытку. Через два года родилась Софи, потом Жюли. В гвардейский полк уже никого не записывали, так как князь К* к родне охладел. У Евдокии Павловны и братьев-то не было, только сестры, вот и сама она рожала одну за другой дочерей. Василий Игнатьевич был в сильном расстройстве: его обманули и с приданым, и с наследником. Он не получил в итоге ни того, ни другого. А тут еще имение жениной тетки, на которое он сильно рассчитывал, уплыло в руки ее мотоватого двоюродного племянника, сумевшего умаслить выжившую из ума старуху лстивыми речами и потаканием всем ее препротивным привычкам, за которые сам Василий Игнатьевич *старую каргу* сильно ругал. Вот и остался он ни с чем. Глядя, как в соседней с его имением богатой деревне хозяйничает столичный хлыщ, напомаженный, с длинным желтым ногтем на мизинце правой руки, и устанавливает свои порядки, Василий Игнатьевич бесился и проклинал жену и всю ее родню. Так начался между супругами разлад, закончившийся вскоре окончательным разрывом.

В те времена разводы совершались просто: супруги мирно либо со скандалом разъезжались и жили по разным местам, предоставив друг другу полную свободу. В данном случае все было еще проще. Вконец устав от бабьего царства в доме, Иванцов отбыл на войну, оставив, впрочем, жену беременною, так, на всякий случай. А та спустя какое-то время уехала в деревню, к тяжело больному свекру, отдав московский дом на разграбление французам, которые вплотную подошли к столице. Вскоре в Москве начались пожары. В общем, дом сгорел, зато Василий Игнатьевич заслужил майора и был готов увидеть наконец наследника и продолжателя славного рода. Увидев же в колыбели очередную дочь, Иванцов пришел в бешенство, устроил скандал и в тот же день отбыл обратно в полк, и, пройдя победным маршем по Парижу, вышел по болезни в отставку, вернулся в столицу, где и обосновался. Снял просторные покои и принялся со страстью проигрывать в карты остатки жениного состояния. Прошел год, другой, третий, к жене он больше интереса не проявлял. Отец его к тому времени умер, мать пережила супруга на полгода и тоже тихо угасла. В общем, с именем Иванцова больше ничто не связывало, и он пустился во все тяжкие.

Евдокия Павловна поплакала больше для приличия, чем от горя, и быстро утешилась, погрязнув в деревенской жизни и забыв про свои столичные привычки. После четвертых родов она сильно расплнела и подурнела, тут уж не до выходов в свет, жить в Москве ей отныне было негде, да и не на что, что же касается мужа, то она его никогда и не любила. О чем тут сожалеть? Она взялась было за хозяйство, но этому ее никто не учил, управляющий оказался пройдохой и врал, что все хорошо, когда на самом деле имение приходило в упадок. Барыня скучала, соседки, отродясь не видевшие столицы, говорили по-французски с сильным акцентом, коверкая слова, сами варили варенье, предпочитая корсету стеганный шлафор. Муж не присылал никаких писем, за исключением заемных. Дороги в период распутицы раскисали так, что приходилось сидеть дома и едва ли не выть от тоски. Днем Евдокия Павловна еще находила себе дела, но темнело быстро, и эти унылые вечера, когда под завывание ветра за окном не читались тонкие французские романы, не шли на ум стихи и не хотелось даже музицировать, погружали ее душу в непонятную тревогу и тоску. Словом, она *маялась*. Это состояние души знакомо каждому русскому человеку. Предчувствие чего-то и не умение ни приблизить это, ни отдалить, а потом такое же неумение использовать.

В конце концов Евдокия Павловна утешилась тем, что завела себе целый штат молодых лакеев, и стала жить, как какая-нибудь вдовствующая королева, не замечая, что двор ее лишь жалкая пародия, а слуги – невежи. Читала им по-французски, музицировала и даже пела. Сло-

вом, «метала бисер перед свиньями». А ее просто использовали, чтобы жить в безделье, припеваючи, за лстивые слова и фальшивые ласки. Она же принимала все это за чистую монету и даже пренебрегала общественным мнением. Да и что за дело ей было до соседей? Сплошь свиньи рыла: ни изысканности, ни манер, ни понимания всего утонченного. Мало того что все едят чеснок, так не скрывают этого и в лицо дышат. Фи! Дочери были совсем еще малы, крестьяне господскую блажь обсуждать не привыкли, а дворя боялась барского гнева: телесные наказания были у воспитанной московской барыни в чести. Евдокия Павловна творила у себя в имении, что хотела, и вскоре сделалась этакой Мессалиной местного, разумеется, разлива.

Но вдруг вернулся муж. Быстренько спустив в карточной игре женино приданое, Василий Игнатьевич решил сохранить хотя бы собственную Иванцовку. С квартиры пришлось съехать, ему больше нечем было за нее платить. Кредиторы требовали уплаты долгов, а друзья стали избегать. Москва гнала его прочь, когда же Василий Игнатьевич оказался наконец в отчем доме, то ужаснулся увиденному: все пришло в упадок, крестьяне ленивы, имущество разворовано, а жена, ко всему прочему, на восьмом месяце беременности! И это при том, что вот уже три года законный супруг в имение носа не кажет! Какой скандал!

Супруги заперлись в кабинете и принялись друг на друга кричать. Он упрекал ее в распутстве, а она его в мотовстве. Разгоряченный Василий Игнатьевич схватился было за дуэльный пистолет, напоминании о прежней жизни, холостой и беззаботной, и хотел убить жену, но одумался и выстрелил в потолок. Прибегавшая на выстрел дворя подхватила барыню под руки и повела рожать, потому что у Евдокии Павловны с перепуга тут же начались схватки. И случилось это намного раньше срока.

После тяжелых родов барыня месяц лежала в горячке, а когда поднялась, то это была уже совсем другая женщина. Прежнего темперамента в ней не осталось, одна лишь утонченность. Ходила она с трудом, говорила тихо и все время сказывалась тяжело больной. Что ни говори, но по меркам того времени она виновата была больше, чем супруг. Василий Игнатьевич порывался было продолжить выяснение отношений, но тщетно. Жена тут же падала в обморок, а очнувшись, велела звать то врача, а то и священника. И муж в конце концов махнул рукой. Ну, что тут изменишь? Надо жить дальше.

Мало-помалу все наладилось. Дворя притихла, управляющего выгнали взащей, красавцев-лакеев отдали в солдаты, а кого и запороли до смерти. Иванцов какое-то время лютовал, но кто был виновником его позора, Василий Игнатьевич так и не добился. Если бы у жены родился мальчик, он, возможно, простил бы ее окончательно и воспитывал бы того, как собственного сына, но родилась очередная девочка. Василий Игнатьевич равнодушно посмотрел в колыбельку, где пушились золотые кудряшки, и жестко сказал:

– Никакого приданого ей не будет и никаких почестей, всю жизнь просидит в девках, здесь, в деревне, в глуши. Да и то для нее хорошо. – Потом посмотрел на крохотного младенца и добавил с надеждой: – Авось и не выживет.

В течение месяца все так и думали. Девочка была недоношенная, да и мать ее тут же забросила, втайне желая ей смерти. Но нашлась добрая душа. Жена денщика, прошедшего с Иванцовым всю войну и теперь приехавшего вместе с барином в имение, только-только родила крепенького здорового мальчишку, она и подкармливала грудным молоком недоношенную девочку, оказавшуюся такой жадной до жизни. К счастью, началась осенняя распутица, самая грязь, и прибавление в семействе удалось на какое-то время скрыть от соседей. Потом пришла долгая зима, и все завалило снегом.

Девочку крестили только весной, когда снег сошел окончательно, а дороги просохли, и вопросов уже никто не задавал. Четыре дочки у Иванцовых или пять, какая, в самом деле, разница? Василий Игнатьевич всем говорил, что приезжал еще в начале лета, искать примирения, и вот вам, сюрприз! Но слухи, конечно, ходили, а как без них? Сам Василий Игнатьевич, и жена его, урожденная княжна Михайлова-Замойская, и четыре старших дочери, – все были

темноволосые, высокие и с носами прямыми, хотя и длинными. На самом деле аристократическими! Младшая же Шурочка, напротив, была маленькой, светленькой и не сказать, чтобы сильно курносой, но на сестер не похожей ничуть. И глаза у нее были не карие, а синие, как небо в ясный июньский день. Соседям рассказывали о предках по материнской линии, родом из Польши, Василий Игнатьевич при этом морщился и бросал на Шурочку злые взгляды, в которых можно было прочесть: «Отродье! Свалилась на мою голову!»

Но время бежало, и прошлое с годами позабылось. Супруги примирились, пытаясь спасти имение и как-то наладить быт. Евдокия Павловна изменилась совершенно, жестко взялась за хозяйство, стала проверять все счета. Столичный лоск с нее давно уже слетел, теперь и она ходила в шлафоре, и сама варила варенье. Василий Игнатьевич тоже изменился: обрюзг, опустился и стал много пить. Дела в поместье сначала не шли вовсе, Иванцовы едва сводили концы с концами, но вдруг Евдокия Павловна получила небольшое наследство, и семейство оживилось. Решили на эти деньги ехать зимой в Москву, чтобы выдать там замуж старшую дочь Мари, которой к тому времени исполнилось шестнадцать.

Надежды на хорошую партию для старшей дочери Василий Игнатьевич питал не безосновательно. Мари была единственной из его дочерей, кто унаследовал красоту матери, которая в те же шестнадцать была дивно хороша. Высокая, темноволосая, бледная барышня привлекала к себе внимание женихов, но так же быстро отпугивала их. То ли ей вовсе не хотелось замуж, то ли это была природная холодность, но речи Мари были также безжизненны и тусклы, как и ее огромные карие глаза. Странно, но они и не мигали: взгляд Мари был безжизненным и плоским, как вода в пруду. Она оттанцевала на балах весь сезон, была замечена, но осталась без жениха. Московская родня только руками развела: ну и нравная нынче молодежь, если не ценит *такого* воспитания. Предложено было Иванцовым приехать в Москву еще на один сезон, но они весьма поистратились, и Василий Игнатьевич увез семью обратно в провинцию весьма разочарованный. Еще одна такая зима, и от наследства ничего не останется! Одни платья бабам чего стоят! А жениха нет как нет! Игра-то не стоит свеч!

Подрастали и другие дочки, вовсе не такие красавицы, как Мари, да и приданое Василий Игнатьевич давал за ними совсем уж небольшое. Вот и обходили женихи дом Иванцовых стороной, разве что заглянет летом в гости соседский сынок-переросток раз, другой, третий, глядишь, а на Красную Горку идет под венец с соседской же Дуней или Маней. Не успели оглянуться, а Мари уже двадцать пять! Она как-то быстро увяла, нежная кожа пошла пятнами и словно бы ссохлась, будто бы от неведомой болезни, которая ее точила. Софи была немного младше, Жюли уже за двадцать, да и Долли тоже невеста не первой молодости. В те времена в провинции невеста уже в семнадцать лет считалась зрелой, в двадцать – перестарком, а уж после двадцати вообще никому была не нужна. Вот и затосковал Василий Игнатьевич, мечтая выдать замуж хотя бы одну дочку, чтобы едоков за столом стало поменьше, да и поправить финансовое положение за счет состояния зятя. Но где ж такого взять?

Воспитание он поначалу давал дочерям отменное, последних денег не жалел. Выписал из столицы вертлявую барышню – мадемуазель Зизи, да лично возил дочерей в уездный город на уроки танцев. Все мечтал о богатом зяте, о новых связях, о больших деньгах... Все же Михайловы-Замойские – древний род! Но как только старшая Мари приехала из Москвы ни с чем, от услуг мадемуазель Иванцов отказался, да и на всякие танцы махнул рукой. Жена уже дотанцевалась, родила неизвестно от кого. Червячок-то Иванцова точил, да и золотоволосая хорошенькая Шурочка все время попадалась на глаза. Не обратить на нее внимания было невозможно. Она мелькала по дому, как язычок пламени, преодолевая любые запоры и всевозможные запреты, уж очень живая была девочка.

Мари была по тем временам девушкой образованной, даже слишком, как сплетничали про нее соседи. Говорила только по-французски, а русскую «н» обязательно в нос, читала целыми днями иностранные романы и даже толстые столичные журналы с сомнительными ста-

тейками либерально настроенных господ, да переписывалась с московскими кузинами. Софи была попроще, но тоже с дурью, как заметила однажды про нее жена городничего, Жюли совсем уж мила и проста, а Долли – просто душка. Какое-то время у всех сестер, кроме Мари, шансы выйти замуж еще были. Про Шурочку речь не шла, потому что все понимали: она в семье Иванцовых изгой, но объяснить почему, не могли. Отец во всеуслышание заявил, что приданого за ней не даст никакого, да и разговоров о ее замужестве не может быть, пока старшие сестры сидят в девках. Сашка, мол, вообще не должна брать с них пример. Никакого французского, никаких нарядов, сшитых по картинкам из модных журналов, и благородных манер отродю не прививать! Девка, она девка и есть, пусть знает свое место! Когда однажды он застал Мари и двенадцатилетнюю Шурочку рыдающими над романом Ричардсона, то накричал на обеих, грозно топая:

– Чтобы голову этой новомодной дурью не забивали! Выбросить в печку! Я вам покажу либерализм! – А ведь сей Ричардсон был в моде еще во времена девичества Евдокии Павловны.

Шурочка поначалу папеньки боялась до смерти, но потом пообвыкла и занялась своим образованием и воспитанием сама. Да и папенька свои позиции сдал. После неудачи с Мари пить он стал еще больше, и всю власть в доме постепенно забрала в свои руки Евдокия Павловна. И хотя она младшую дочь тоже не жаловала, но была слишком уж занята. Образование старших сестер кое-как продолжилось, и младшей тоже перепало, особенно уроки танцев. Иногда про нее просто забывали, и она жадно впитывала все, что видела, стоя в дверях. Кроме того, Шурочка потихоньку таскала книги из библиотеки, а журналы у Мари, хотя пространные рассуждения господ либералов о каких-то свободах, поначалу навевали на нее тоску. Но поскольку читать в провинции особо было нечего, а зимние вечера были долгими, в дело пошли и они. Понемногу Шурочка начала находить высказывания реформистов занятыми, и в мыслях позволяла даже некоторые замечания по поводу прочитанного.

Но ближе всех ей были сочинения русских писателей, только, увы и ах, из обеих столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, давно уже ничего не выписывали. Но и у офеней попадались не только сказки, но и замечательные стихи, к примеру, романтические баллады Жуковского, поэмы Пушкина. Жаль, что не очень часто. Денег давала Мари, к которой маменька почему-то была особенно добра. Сестрица же добротой не отличалась, но зато платила за мелкие услуги. Пустяшно, но Шурочке и того было довольно. Она – не неженка, не белоручка, может и волосы уложить, и платье кружевом украсить, и вышивку смастерить. Всему обучена, будто бы и не дочь помещика. В прислуги ее и готовят, не иначе. Но такова воля родителей. Хорошо, хоть на чтение время остается.

Жаль только, что все книги в доме она неоднократно перечитала. А чаще всего перечитывала Карамзина «Историю государства Российского», которая даже среди уездных барышень оттеснила на второй план томные французские романы, как только вышла в свет. Книги из столицы выписывали богатые соседи, и образованной Мари иной раз удавалось их заполучить. Ее давно уже жалели, называли больной, *старой девой* и оказывали ей любезности в отличие от других Иванцовых. Евдокию Павловну все еще величали зазнайкой и гордячкой, столичной штучкой и откровенно радовались тому, что она так опустилась. Какие уж тут любезности!

Пришло время, и Шурочка всерьез задумалась о своем будущем. А какое будущее у девицы, тем более в глубокой провинции? Замужество! О том все мысли, все речи и все гадания. Шурочке же с детства внушали, что она никогда замуж не выйдет. Не выйдет – и все, чтобы ни случилось. Выходит, что и нет у нее будущего? И как же тогда?

«Наверное, потому, что я некрасивая», – думала она. И решила внимательно себя рассмотреть, всю, включая мельчайшие подробности. Нет ли какого тайного изъяна? Внешне вроде бы недурна, но красавицей в семье всегда считалась Мари, а она, Шурочка, ничуть на нее не похожа. Мари – высокая, очень уж худая и темноволосая. А Шурочка, напротив, небольшого росточка, но с полной грудью, округлыми плечами, хотя и не толстушка. Талия тонкая,

руки маленькие, ступни узкие. И все в ней яркое, живое, словно пропитанное летним солнцем: золотые волосы, синие глаза, алые губы и румяные щеки. Все спелое, сочное, наливное. И кожа не бледная, а цвета розовато-кремовых сливок, которые бывают на молоке лишь со степной травы, жадная все до того же солнца, на котором быстро становится янтарно-медовой.

Это и было ее особенной красотой: кожа, словно бы светящаяся изнутри, ровная, гладкая, здоровая, без единого изъяна. Шурочка невольно притягивала взгляды и ничуть этого не стеснялась. В ней все было живое, подвижное, глаза играли, губы улыбались, золотые кудри то и дело выбивались из прически, руки все время искали дела, взгляд зрелища, а пытливый ум новых знаний. Характер же ее был не просто живой, а с перчинкой. Шурочка и за себя могла постоять, и на поступок решиться, в отличие от послушных сестер.

Осенью ей исполнилось семнадцать. Самый возраст для женихов. Но усадьбу Иванцовых они давно уже обходили стороной. Шурочка даже подумывала сбежать из дома. Все равно она здесь никому не нужна. Для девицы это было не просто дерзко, а почти невозможно. Но Шурочка грезилась кавалерист-девицей Надеждой Дуровой, чьи записки однажды попали ей в руки. Вот как надо! Переодеться в мужское платье и дать деру! Первым воспитателем Шурочки Иванцовой был денщик, жена которого вскормила грудью и фактически дала девочке жизнь. Шурочка выросла на конюшне, где играла не куклами, а отцовским дуэльным пистолетом и рано научилась ездить верхом и даже стрелять. Ей и дамского седла теперь не требовалось. Жаль, что войны никакой нет. А то бы, ей-богу, сбежала!

Она даже мечтала в детстве, после очередной порки, что вырастет и вызовет папеньку на дуэль, где непременно убьет. Как это было упоительно! Увидеть, хотя бы в мечтах, как падает наземь твой заклятый враг, истекая кровью! Почему-то Шурочка никогда не думала о нем, как об отце. Да разве это отец? Называет отродьем, ни единой ласки за все годы, одни лишь тычки и пощечины. Стоило только попасться ему на глаза, как тут же она слышала брань. Да за что?!!

...Весна в этом году выдалась холодной и затяжной. Лета заждались, но оно все-таки пришло, и вместе с ним в размеренную жизнь семейства Иванцовых пришли большие перемены.

Лето в деревне период особый, также как особый среди недели почтовый день. И того и другого все ждут с нетерпением и тайной надеждой: а вдруг? Письмо ли из столицы, новый ли человек – все необыкновенно, все скрашивает унылую и скучную провинциальную жизнь. Каждое известие и каждый гость становятся предметом долгих обсуждений и сплетен. Лето решает, каким будет урожай, и удастся ли за него выручить достаточно денег, чтобы безбедно прожить осень и зиму. Если засуха, то все говорят только о ней, если поля заливают дожди, то все дружно подсчитывают убытки и заказывают батюшке молебен за молебном: все о хорошей погоде. Никогда не бывает хорошо, но после всех этих хлопот и волнений урожай всегда оказывается, против ожидания, большим. Но на всякий случай все готовятся к худшему. Виды на урожай и погода – главные темы для разговоров, что дома, что в гостях.

Но лето – это еще и волнительная пора для девиц на выданье. Конец бездорожья и время визитов. Летом и завязываются *отношения*. Родители устраивают девицам смотрины, другая сторона, не оставшись в долгу, тоже показывает товар, то есть женихов лицом. Достаются из сундуков летние наряды, да переделываются по моде, закладываются экипажи, наносятся визиты, собираются деньги на свадьбу... Глядишь – приедет из столицы на побывку молодой военный, или богатый барин заглянет наконец в свое имение и даст соседям большой бал. Отчего же не любить лето?

Ранней весной умер в большой и богатой деревне Селивановке старый помещик Никита Лежечев. Скончался в одночасье, оставив единственному сыну порядок в делах и не одно доходное поместье, с общим числом душ около пятисот. А то и побольше. На Селивановку соседи давно уже косились, потому что хозяин тамошний был не в пример прочим: именьями управлял сам, старост держал в узде, крестьян берег и барщину, по усмотрению, всегда

был готов заменить оброком. И потому поместье его давало значительный доход. Со временем Лежечев стал скупать земли у своих недалёковидных соседей и в этом преуспел. Большинство из них доверялись вороватым управляющим, отчего разорялись постепенно и в итоге нищали. Таким образом, чуть ли не пол-округи прибрал к рукам прижимистый старик Никита Палыч. Все были у него в долгах, а имения под залогом. И вот старик умер.

Жена его скончалась десять лет тому назад, и был у Никиты Лежечева единственный сын, который служил в столице, в Измайловском гвардейском полку, а Селивановку не жаловал. Любое из здешних семейств охотно выдало бы за него свою дочку, да только столица была далеко. И вот теперь этот молодой человек двадцати семи лет от роду решился оставить свет и столицу и выполнить волю отца: крепко сесть на хозяйство и взять на себя заботу о крестьянах и о процветании имения.

Вполне естественно, что все в округе заговорили о его женитьбе, как о деле решённом. И стали гадать: кто же? Владимир Лежечев ещё и приехать не успел, как его уже заочно женили, вспомнив, как в раннем детстве он охотно играл в горелки со своей кузиной Ташенькой и в зарослях малины как-то чмокнул её в щечку. Но кузина кузиной, а другим девицам тоже «не след ловить ворон»! И все уездные барыни как бы, между прочим, решили, что к лету непременно надобно обновить гардероб у дочек, которые на выданье. Столичные моды хоть и с опозданием, но доходили и до здешних глухих мест. В общем, слезы, мольбы, лстивые речи, обещания – и вот уже почтенные отцы семейства достают тугие кошельки. И потянулись в уездный город экипажи с взволнованными женщинами. Девицам стоит только добратся до папенькиных денег, и тут уж они начнут выставляться одна перед одной!

В семействе Иванцовых тоже начался в связи с этим переполох. Мари хоть и считалась перестарком, но чем черт не шутит? Быть может, её безупречный французский, изысканную бледность и манеры наконец-то оценят по достоинству? Кто ещё в здешних местах может этим похвастаться? Михайловы-Замойские хоть и обедневшие, но князья! А потом, есть ещё и Софи, и Жюли, и Долли. Ах, эта милая Долли! Ей двадцать лет, но она почти ребенок, да к тому ж прелестно играет на фортепиано и как поет! И кто сказал, что она собой нехороша? Да ничуть не хуже той же Ташеньки!

В общем, суета, беготня и даже слезы. Денег-то в доме нет! Как тут выдержишь конкуренцию? Шурочка, воспользовавшись этой ситуацией, убегала в беседку, а пару раз тайком наведывалась в имение старого графа. Сидела на мраморной скамье в самом дальнем углу парка, зачитываясь очередной книжкой. Воронка папенька у неё отобрал, чтобы не скакала по полям, как оголтелая, и не позорила семейство Иванцовых, когда у Долли есть жених. Уже и жених! Ещё и не появился в усадьбе ни разу, да и Долли отродясь не видел. И почему именно Долли? Из всех сестер Шурочка больше всего любила Жюли, за доброту и покладистость. Та единственная на неё не кричала и не доносила. Мари была надменна, Софи вспыльчива, в папеньку, а Долли откровенно глупа. К тому же Жюли считалась самой некрасивой. Для неё, бедняжки, Шурочка и сама была готова добыть жениха, а потому решила объявиться перед маменькой на примерку платья.

Ей всегда доставались только обноски, кое-как подогнанные наряды старших сестер, да и этого в последнее время не случалось. Но нельзя, чтобы жених подумал, будто Иванцовы совсем уж обнищали. Придется ведь представить Владимиру Лежечеву и младшую дочь, факт её существования не скроешь, коли они будут в родстве. Все говорили об этом так, будто сватовство уже состоялось и осталось только дать согласие жениху. Конечно, никакого туалета из города для Шурочки выписано не будет, много чести, но платье по такому случаю ей перешьют вполне достойное, то, которое Мари надевала пару раз, не больше. Оно ей не шло, потому что было голубого цвета, и в груди велико. Мари была в нем похожа на поганку: кожа с синевой, в глубоком вырезе торчат ключицы. Голубое платье решили отдать Шурочке. Ушивала и укора-

чивала его Варька, а маменька взялась руководить. А та, которой оно предназначалось, опять проштрафилась!

– Явилась! – грозно сказала Евдокия Павловна, едва завидев дочь. И по ее лицу Шурочка поняла, что Варька уже донесла. – Ну? Показывай?

– Что, маменька?

– Показывай, что ты читала!

– Книжку, маменька.

– Где взяла?

– В библиотеке, где ж еще?

– Врешь! Я велела не пускать тебя туда! Нечего тебе там делать! Сиди за пальцами, приданое сестрам вышивай!

– Так их еще и замуж никто не берет.

– Молчать! – взвизгнула Евдокия Павловна.

– Да ладно вам, барыня, браниться. Гляньте-ка лучше, какая красота! – позвала Варька, любуясь своей работой.

– А ну? – поднялась из кресла грузная, страдающая одышкой Евдокия Павловна. А ведь ей было немногим более сорока. Но выглядела она плохо и винила в этом младшую дочь. Именно вследствие преждевременных родов и приключившейся вслед за этим горячки Евдокию Павловну стали одолевать различного рода болезни, в том числе одышка и нездоровая полнота.

Шурочка краем глаза глянула на платье. Мода на романтизм требовала от любого наряда обилия оборок и прочего рода деталей, кои подчеркивали бы в девицах хрупкость и бестелесность. Да пойдет ли ей это?

– Надень, – велела маменька, смирив гнев на милость.

При помощи Варьки Шурочка втиснулась в платье. Недозволенная книжка тут же была забыта, рука Евдокии Павловны сама собой потянулась поправить оборку. Все же она была женщиной.

– Барышня, да вы красавица у нас, – ляпнула Варька.

– Молчать! – взвизгнула Евдокия Павловна. – Молчать, не смей! Нехороша она! Совсем нехороша! Красавица у нас Мари!

– Да что ж вы, барыня, так разволновались? Я же просто так сказала, не подумавши.

– Вот и думай в следующий раз. А то я тебе язык-то мигом укорочу.

А в голубом Шурочка и впрямь была прелестна. Глаза засияли еще больше, губы приоткрылись, а щеки от волнения зарумянились. Ведь это было ее первое настоящее платье! В нем можно и на бал! Кружева только добавить, да кое-где подправить. Но это она и сама сделает, даже лучше Варьки. Лишь бы заполучить это платье! Евдокия Павловна почувствовала, что силы ее оставляют и со стоном опустилась обратно в кресло:

– Жара-а... Ох, дышать больно. Что же в груди-то тебе так тесно? Сама худющая, а здесь расставлять пришлось. *C'est surprise! Bleu clair* ... – произнесла она с тяжелым вздохом.

Про голубое и сюрприз Шурочка поняла, уроки французского она прослушала все, правда за дверью. И решила попросить ожерелье с бирюзой, которое давно уже заметила у маменьки в шкатулке. Как бы оно подошло к этому голубому платью!

– Его наденет Мари, – нахмурилась Евдокия Павловна. – И не думай. Не к лицу тебе драгоценности.

– А Мари не к лицу голубое.

– Тогда его Софи наденет. Или Долли.

– Ну, жёвужанпри донэмуа!

– Это еще что такое?! Молчать! – тяжело задышала Евдокия Павловна, услышав от дочери просьбу, отдать ожерелье на французском языке. – Ты говоришь с безобразным акцентом! И коверкаешь слова! Откуда ты вообще знаешь язык?

– Маменька, я же не глухая.

Силы оставили Евдокию Павловну, пот струился по лицу.

– Ох, тяжко, – застонала она. – Вот что значит кровь... Чтобы он не говорил, – произнесла она одними губами. – Это ведь тоже моя дочь. – И вдруг смиростивилась: – Ладно, бери. Ожерелье-то простенькое. А Мари наденет жемчуга, коли поедет на бал. Говорят, у Соболинских нынче именины. Федосья Ивановна не скупится, непременно будут и музыканты, и танцы. О-ох! Как тяжко-то! Жара-а-а...

Со скандалами, но Евдокии Павловне удалось-таки сохранить шкатулку с драгоценностями. Самые ценные камни, правда, давно уже были проданы, но кое-что осталось. Давно уже муж подбирался и к жемчугам, но Евдокия Павловна стояла на смерти. Ведь это было единственное, что ей осталось на память от бабушки и матери. На том и порешили: показать товар лицом. Всем сестрам – новые платья! И младшую дочку богатому соседу представить в перешитом голубом платье. Так ее дурные манеры будут прикрыты кружевами, но главное, чтобы рот держала на замке...

...Молодой помещик Владимир Никитич Лежечев стал объезжать соседей вскоре после того, как прибыл в свое имение на постоянное жительство. Никто не знал, что у него на уме? То ли это визиты вежливости, то ли он и впрямь присматривает себе невесту? Но не прошло и двух недель, как его уже объявили достойнейшим молодым человеком. Иванцовы еще не видели его ни разу, но уже знали, что Лежечев почтителен, скромен, приятен и вовсе не похож на военного. Скорее, на *джентльмена*. Наконец пришел и их черед, в усадьбу вкатились щегольские дрожки, и Евдокия Павловна от волнения забыла все французские слова. Выдавила только:

– Мсье Лежечев... – и широким жестом обвела стоящих тут же дочерей: вот, мол, все, что у меня есть. Все мое богатство.

Владимир на отличном французском языке отвесил цветистые комплименты всем четверем сестрам. Мари, Софи, Жюли и Долли зарумянились разом и защебетали. Шурочка была в это время в саду, о ней и не вспомнили, занявшись гостем. Голубое платье она надела с утра и, воспользовавшись минутной слабостью маменьки, взяла из шкатулки с драгоценностями ожерелье с бирюзой. Она увлеклась чтением и тоже обо всем забыла. А ожерелье лежало в книжке вместо закладки.

– Барышня Шурочка! Жених приехал! – Опять эта Варька! Какая же вредина!

– Не мой.

– Барышня! Все уже чай пить садятся! Барыня ругаются, а барин брови хмурит. Вас велят к столу.

– Ах да, Жюли. – Шурочка со вздохом вытащила из книжки ожерелье. – Застегни.

– Все равно вы, барышня, красавица, – вздохнула Варька, справившись с хитрой застежкой. – Только маменьке не говорите, что я вас хвалила, а то мне попадет.

– Не скажу. Так ты говоришь, они уже за столом сидят? О чем же беседуют?

– Я, барышня, не понимаю. Не по-нашему говорят.

Шурочка представила постное лицо сестрицы Мари, ее умные речи на безупречном французском языке и фыркнула. Нет, надо его от нее отвлечь. Его – это жениха. Если уж суждено Владимиру Лежечеву жениться на ком-нибудь из сестер Иванцовых, то пусть это будет несчастная и некрасивая Жюли. Шурочка, правда, не представляла пока, как этого добьется, но была полна решимости. Добыть во что бы то ни было Жюли жениха! Она шла по тропинке и улыбалась.

Было чудесное июньское утро. С начала месяца погода установилась ровная и приятная: и солнышко светило, и дождик землю поливал. Короткий, летний, теплый, похожий на слезы

юной девы. Не ненастье, а беспорочная короткая печаль, после которой радость летнего дня еще ярче. Все и радовалось, цвело, росло, тянулось к солнцу. Благодать, одним словом! Истинная благодать!

Василий Игнатьевич и все его соседи погодой были довольны. Земля обещала немислимую щедрость в это лето, как бы только не сглазить. Разумеется, на веранде говорили о погоде и будущем урожае. А Шурочке хотелось крикнуть во весь голос: «Люди! Посмотрите вокруг! Уже сирень отцвела, какое несчастье! Зато жасмин под моими окнами пахнет так, что хочется невидимыми нитями пришить его тонкий аромат к своему платью, чтобы он никуда не делся. Я хочу лето всегда! Как оно коротко! И как это плохо! А мне уже семнадцать! Люди! Что же нам всем делать? Ведь все проходит, и как быстро! И какое же это счастье – лето!»

Она не вошла, влетела птицей на веранду и первым делом отыскала взглядом сокровище, за которым охотятся все незамужние женщины уезда. И разочарованно вздохнула. Владимир Лежечев не произвел на нее впечатления: роста невысокого, лицо простое, под левым глазом большая родинка, не сказать, бородавка, и глаза серые, невыразительные. Шурочка ожидала увидеть щеголя, красавца, в мундире и при эполетах. В общем – ах! Потом спохватилась: какие эполеты? Он же вышел в отставку! Но и военной выправки во Владимире Лежечеве не замечалось. Был он уж очень скучен. Именно скучен. И обычен. Казалось, что всю жизнь он прожил здесь же, в уезде, не видел обеих столиц, не вращался в высшем свете и не танцевал на балах, разбивая сердца столичных красавиц. Трудно представить женщину, которая могла бы им увлечься. И смотрел он на Шурочку как-то странно, этот взгляд она не понимала. Впрочем, одет Владимир Лежечев был по столичной моде, стрижен коротко, а галстук повязывал, как настоящий *денди*, что наводило на определенные мысли. Шурочка даже заподозрила его в тайной меланхолии и модной разочарованности. И приободрилась.

– Monsieur Лежечев, *permettez-moi de vous presenter* ... Александрин, наша младшая дочь. – Маменька посмотрела на нее грозно. – *Pardon...* Сюда подойди, – это уже шепотом Шурочке. И совсем тихо: – Где ты шатаешься, дрянь? Сядь сюда, подальше от гостя. И рта не открывай.

Евдокия Павловна, улыбаясь, оттирала ее от старших сестер. И что-то быстро-быстро говорила по-французски важному гостю, словно оправдываясь перед ним. Половины слов Шурочка не разбирала, понимала только, что маменька за нее извиняется. За ее опоздание, за плохие манеры, за улыбку, не сходящую с румяных губ. «Перестань улыбаться, дрянь! Глаза в пол!» Владимир Лежечев меж тем рассматривал ее, не стесняясь, и этот взгляд Шурочку пугал. Казалось, что он удивлен и озадачен.

– К столу прошу, к столу, – засуетился Василий Игнатьевич. Ему давно уже хотелось выпить, и вовсе не чаю, но сегодня папенька держался. Уж очень момент был важный. Решалась судьба одной из его дочерей, он на это очень надеялся.

Наконец все расселись, и Мари принялась жеманно разливать чай. Они с Лежечевым говорили исключительно по-французски, и все о книгах, о модных новинках, о либеральных течениях. И где только сестрица этого нахваталась? Видимо, говорит она умненько, Лежечев беседу поддерживает, согласно кивает. Мари же смотрит на сестер свысока, а маменька счастливо улыбается. Шурочка заметила, что Софи кусает губы от злости, а у Жюли покраснел нос от едва сдерживаемых слез. Только глупышка Долли беспечно щебетала и, казалось, ничего не замечала. Шурочке стало обидно. Ну что это, в самом деле? Это же неприлично! И унижительно! Они же из кожи лезут вон, чтобы понравиться человеку, который сюда, быть может, и не придет больше! С чего они взяли, что Лежечев должен непременно жениться на одной из сестер Иванцовых? Да не надо ему этого! Ну, не надо!

– Александра Васильевна, позвольте, у вас это упало. – Лежечев положил на стол рядом с Шурочкой книгу. – Вы это читаете?

– Ах, она еще ребенок! Она читает только сказки, – по-французски сказала Мари. – А вы, господин Лежечев, что любите читать?

– Это далеко не сказки, – улыбнулся Владимир Лежечев. – Это серьезная книга. И ваша сестра совсем не ребенок. Молодая особа и весьма недурна собой, – сказал он уже по-французски.

Шурочка вспыхнула. Они еще будут ее обсуждать! Вслух, при всех! И прежде всего при ней!

– Да, я люблю читать, – волнуясь, сказала она. – И мне не нравятся французские романы, которые Мари кладет к себе под подушку на ночь. В них только скука и полная чепуха.

Вот так. Сестрица Мари порозовела от злости, а папенька смотрит волком. Ну и пусть. Шурочка заговорила еще громче:

– В этих романах все почему-то страдают от несчастной любви. Я этого не понимаю. Ну и не любите вы тех, кого не надо, так и не будете страдать. Любите тех, кто любит вас. А то сплошная скука, слезы, разочарования, а в конце все непременно умирают. Зачем же непременно умирать? – Шурочка в упор посмотрела на Лежечева. – Разве так плохо жить?

– Вы так любите жизнь, Александра Васильевна? – Лежечев смотрит уже только на нее и так странно смотрит. Сам он какой-то вялый и делает только то, что от него хотят. И говорит то, что от него хотят услышать. А ему ведь все это не нравится. Эти места, соседи, вынужденные визиты к ним, их дочери, на одной из которых ему придется жениться. Да, придется! Потому что своей воли и своих желаний у него, похоже, нет. Какая же мука для него жизнь! Оттого он такой скучный! Невыносимо скучный!

– Да, я люблю жить! Очень люблю! – Это уже вызов. И голову Шурочка вскинула гордо, и голос зазвенел. Она никогда не выйдет замуж, и ей все равно, что подумает молодой сосед о невоспитанности сестер Иванцовых. – И хочу жить! И буду! Буду так, как я хочу!

– Вы счастливы, конечно? – жадно поинтересовался он. – Впрочем, видно, что вы счастливы.

– Мари, что же ты замерла? Разливай чай! Угощайтесь, мсье Лежечев. Или вы стесняетесь? Расскажите нам о столице, о последних новостях. Мы ведь безвылазно живем здесь, в глуши...

Евдокия Павловна так выразительно посмотрела на младшую дочь, что Шурочке захотелось тут же поставить на стол чашку и выйти вон. Выручил Лежечев, заговорив о столице. Великосветские приемы, балы, кто на ком женился, а кто помолвлен и готовится к свадьбе. Вспоминали общих знакомых, искали родство. Все, как полагается. И как принято. Разговор вошел в привычную колею. Она погрузилась. Вот сейчас папенька между делом скажет, что Долли замечательно поет, и начнется! Принято считать, что у Долли есть голос, но Шурочка такого голоса не понимала. Жеманство и мышинный писк, вот что такое голос Долли. Позор какой! Что же они так стараются? Ему ведь это безразлично! Это же видно по его лицу! Неужели они этого не замечают?

За чаем, впрочем, сидели недолго. И о пении лишь упомянули, но оставили это удовольствие на потом. Пусть, мол, это будет для гостя сюрпризом. Слава богу! Шурочка больше не вмешивалась в разговор, скучала и ждала, когда же наконец ей позволят уйти. Лежечев то и дело посматривал на нее, беседуя с кем-нибудь из девиц, и это ее раздражало. Ну что ему надо? Что он так смотрит? Жюли выглядела бледно на фоне других сестер, и Шурочке ее стало жаль. Любимой сестре не шло белое, она успела сильно загореть и была теперь похожа на обгоревшую головешку. «Муха, попавшая в молоко», – невольно вздохнула Шурочка. И кто только придумал для Жюли это платье?

Наконец-то все вышли в сад.

«Он больше не придет, – думала Шурочка и ничуть об этом не сожалела. – Что ему здесь делать? Маменька расстроится, сестры тоже. Ну и пусть! Папенька будет злиться, так

ему и надо! Что же ему такого сказать, Владимиру Лежечеву, чтобы он уж точно больше не приезжал?»

– Господин Лежечев?

– Да? – Он так живо повернулся к ней, что Шурочка испугалась. Право не стоит так выпрыгивать из своего скучного лица.

– Вы были за границей?

– Evidemment... – начал было он. «Конечно...» Конечно, был! Какую глупость она спросила!

– Я плохо говорю по-французски, – остановила его Шурочка. – И еще хуже понимаю, когда говорят.

– И вы не боитесь в этом признаться? – удивился он.

– Нет! А вот вы, похоже, боитесь не нанести соседям положенного визита и прослыть невежей? Гордецом и человеком невоспитанным? А разве выбор среди стольких невест менее опасен? Этого вы не боитесь? Кто-нибудь из нас да обидится, – лукаво сказала она.

– Александра Васильевна...

– Я не привыкла к отчеству. И я еще не старуха. Или старуха? Как вы думаете, я уже старая? Мне ведь уже семнадцать! Да, я старуха!

Он рассмеялся впервые за все время своего визита:

– Кто же тогда, по-вашему, я? Глубокий старик? Ведь мне *уже* двадцать семь.

– Да, это ужасно! – с чувством сказала она. – Ах, вы смеетесь? Слава богу! Я сумела вас рассмешить!

– А вы этого хотели?

– Нет, не знаю. Не хотела. Или хотела? Здесь все расстроятся, если вы больше не приедете. Поверьте, ваш визит для нас событие значительное. Мы ведь здесь откровенно скучаем.

– Можно мне называть вас просто Александрин?

– Как угодно. – Ей с трудом давался этот светский разговор. Хотелось рассмеяться, дернуть его за нос, растормошить.

– Александрин, я буду признателен, если вы будете называть меня не по имени-отчеству, а просто Вольдемаром.

– Так вы еще приедете, Вольдемар?

– Завтра, если хотите.

– Я хочу?

– Да, вы. Именно вы.

– Что ж, может быть, и хочу. А может быть, и нет. Нет, не хочу! А вы расскажете мне о том, как живут за границей? – жадно спросила она. – О тамошних людях, о городах? О, как я этого хочу! Очень хочу!

– Почему не сейчас?

– Если сейчас, то меня сестрицы съедят, – не выдержала до конца светский тон беседы Шурочка. – Право, и маменька злится. Я убегаю. Извините. Я больше не могу с вами разговаривать. Мне этого нельзя. Прощайте.

И она, заинтриговав его, убежала. Кокетка, искушенная в игре любовной, не смогла бы сделать больше. Но Шурочка была настоящая женщина, она и не задумывалась над тем, что делает и как это выглядит со стороны. И это произвело на него впечатление.

Лежечев уехал озадаченный, а через день вновь нанес визит в имение Иванцовых. Что тут началось! Евдокия Павловна и не знала, которой из сестер приписывать победу. А Лежечев приехал и на следующий день. И еще раз. За неделю он нанес им четыре визита, в то время как кузине Ташеньке, которую прочили ему в невесты, ни одного! Это что-нибудь, да значило!

На следующей неделе все повторилось. Заезжал к ним Владимир Никитич как бы между прочим, верхом, а не на дрожках, Иванцовы уже говорили «по-свойски», и он никого из сестер

не выделял. Ровен был со всеми, всем говорил комплименты, делал мелкие презенты. В имении Иванцовых эти внезапные заезды создавали переполох, все сестры расцвели и приободрились, даже Мари похорошела. Она была уверена, что Лежечев приезжает именно из-за нее. Владимир и в самом деле подолгу беседовал с Мари, да все о книгах, некоторые ей дарил. Как оказалось, стихи. И все тут же подумали: подарок с намеком. Василий Игнатьевич все-ррез задумался о приданом. А ну как они не сговорятся? Вечером в воскресенье состоялся его серьезный разговор с женой. Супруги расстались далеко за полночь, оба взволнованные, и долго еще не спали. Но волнение это было приятное. Что-то намечалось.

Так прошел месяц. Наконец о частых визитах Владимира Лежечева в имение Иванцовых заговорили и соседи. И тоже гадали: на которой же из сестер он женится? Одно знали точно: свадьба будет непременно. Не такой человек Владимир Лежечев, чтобы тратить время попусту и понапрасну обнадеживать такое благородное семейство. Ездит он туда с определенной целью. А какая еще цель может быть у молодого холостого мужчины, как не женитьба? Ведь у Иванцовых аж пять незамужних дочерей! Но Лежечев по-прежнему со всеми сестрами был ровен, хотя намерений своих и не скрывал. Напротив, всячески подчеркивал, что он человек серьезный и холостой, в средствах не стесненный, поэтому мечтает о жене, которая бы его понимала и была помощницей в делах, о многочисленном потомстве, о крепком хозяйстве. Евдокия Павловна кивала и расцветала от этих слов, а Василий Игнатьевич рассчитывал, что зять простит ему долги. Как и многие в уезде, он задолжал отцу Владимира Лежечева изрядную сумму. Но теперь появилась надежда.

Казалось, что Лежечев присматривается к своей избраннице, имя которой объявлять не спешит. И отчего-то колеблется. Неужто из-за приданого? Но визиты его не прекращались и не становились реже. Значит, он на что-то решился. К концу лета Иванцовы ожидали предложения. И поскольку Мари подолгу беседовала с гостем, гуляя с ним в саду, все по-французски, в конце концов все указали на нее. Шурочка от досады кусала губы, а Жюли по ночам плакала. Все уже догадывались, что бедняжка влюбилась.

«Боже мой, какая несправедливость!» – думала Шурочка. Она уже приготовилась к тому, что Владимир Лежечев станет ее родственником, и видаться им придется часто. Но почему не Жюли? Так прошел июнь и первая неделя июля.

И вдруг... И вдруг случилось нечто такое, что визиты Владимира Лежечева в усадьбу к Иванцовым перестали занимать уездных барынь и барышень по той причине, что появился предмет, который завладел их вниманием целиком. По округе, словно ураган пронесся. Еще ни одно лето не было столь богато на события. И вдруг...

Глава 2

С самого утра настроение у Шурочки было чудесное, потому что папенька на радостях, что Лежечев зачастил в усадьбу, разрешил ей взять Воронка. Поджарый жеребец, иссиня-черный, как вороново крыло, был ее любимцем. У местных барышень было не принято скакать галопом по полям, да еще и без мужского сопровождения. Поэтому воспитанным девицам, Шурочкиным старшим сестрам, это и было категорически запрещено. Но репутацией младшей Евдокия Павловна нисколько не дорожила. Напротив, чем больше говорят о ее дурных манерах и необузданном нраве, тем проще и родителям оправдать дурное к ней отношение. Не удалась, мол, младшая дочка, и все тут. Евдокия Павловна была гораздо хитрее, чем Василий Игнатьевич, и материнским сердцем почувствовала в нелюбимой дочери соперницу своим любимцам, особенно Мари, потому и не противилась решению мужа дать Шурочке лошадь, в надежде, что до Владимира Лежечева дойдут слухи о ее недостойном поведении. Одно дело охота, когда деликатно, сидя бочком и не спеша, ехать на смирной лошадке, а то и просто стоять в отдалении, наблюдая за забавами мужчин. Но галопом, одной, без дамского седла? Пусть позорится та, которую все равно замуж никто не возьмет. Как бы румяно ни было ее личико и строен стан. Ее удел – нянчиться с племянниками да быть при сестрах вместо компаньонки. А пока, пусть себе скачет.

Что касается Шурочки, то она обо всем этом и не задумывалась. А все больше радовалась воле, степному ветру, солнечному июльскому дню, небу, солнцу, простору... Меланхолии ее пришел конец, и даже будущее не казалось теперь таким ужасным и мрачным. Одна из сестер вскоре выйдет замуж за богатого человека, родители подберут, отдадут долги, денег в доме станет больше, а печали меньше. А вдруг супруги Лежечевы надумают пожить зимой в столице, тогда и возьмут с собой ее, Шурочку. А почему бы нет? Владимир с ней ласков, а если его женой станет Жюли... Ах, почему бы мечтам и не сбыться? И там, в столице, как знать...

Дальше отъезда ее мечты не распространялись. Она грезилась лишь о карете, запряженной лошадьми, или же о санях, если это будет зима, и кучере Василии, несущем туда ее вещи. А дальше только стук колес, мерное покачивание экипажа, меняющийся пейзаж за окошком, неспешные разговоры, а потом в полудреме все те же мечты, мечты... Главное – вырваться отсюда. Если это случится, в Иванцовку она больше не вернется. Никогда.

Главное – уехать. К чему приведет мечта сестер о замужестве и достатке в доме? Сократить огромный мир до размеров одного-единственного поместья и навсегда отказаться от свободы? От возможности увидеть мир? А что будет, если муж окажется человеком скучным? Если опустится, подобно папеньке, и будет целыми днями лежать на диване, в халате и колпаке, а то и пить, а напившись, скандалить? И придется на все спрашивать у него разрешения! Ведь он – муж! Хозяин! Неужели же можно об этом мечтать? Если уж замуж, то за человека благородного. Утонченного. И... красивого!

Воронок летел, как на крыльях, тоже почувствовав свободу. Шурочка была счастлива: сегодняшний день прекрасен! И жизнь прекрасна! Щеки ее покраснелись, волосы трепал ветер. Пряно пахло степными травами, казалось, сам воздух был с горчинкой, вобрав в себя вкус полыни. Но ей, с рождения знакомой с этим запахом и вкусом, все было привычно, все было сладко. И вдруг... Ветерок стал прохладным, солнце скрылось за тучку, а она вдруг ощутила смутную тревогу. Да и конь заволновался. Что-то должно было случиться. И именно сегодня...

Шурочка вернулась домой к обеду разгоряченная верховой прогулкой и сразу же заметила у крыльца знакомый экипаж. Помещица Марья Антоновна Залесская. Что надобно у Иванцовых этой старой карге? Залесская – известная сплетница. Какие вести она привезла? Как только подсохнут дороги, Марья Антоновна собирается в путь, гостит со своими двумя

дочками то у одних, то у других, называясь дальней родней, а потом все, что разузнала, развозит по округе, безудержно при этом привирая. Ее грозятся не пускать на порог, но все равно пускают, потому что скучно. Хочется разузнать побольше о соседях, которым, в свою очередь, хочется все разузнать о тебе.

Залесскую и ее дочерей Шурочка терпеть не могла, а потому отвела Воронка на конюшню и тайком проскользнула в дом. Лучше уж пожевать у себя в комнате краюху черного хлеба, запив ее водой, чем пить чай со сливками и сдобными булками, но слушать при этом небылицы Залесской.

Визит Марьи Антоновны она пересидела, прикрывшись пальцами. Заглянула Евдокия Павловна и, увидев младшую дочь за работой, с удовлетворением удалилась. Залесская вскоре уехала, а в доме началось обсуждение услышанного. Шурочка всей кожей чувствовала, как по углам шушукается дворня, а в барских покоях оживленно о чем-то беседуют сестрицы и маменька.

За ужином папенька выпил лишнего и без конца вспоминал свою молодость и службу в гвардейском полку. Евдокия Павловна тяжело вздыхала и бормотала что-то по-французски, а сестры при этом загадочно переглядывались. В конце концов девка Парашка, зазевавшись, пролила барыне на платье соус, за что ее отправили на конюшню пороть, и разговор сам собой перекинулся на тупость и нерадивость крестьян.

– Пороть их надо! Пороть! Канальи! – стучал по столу кулаком пьяный папенька. Мари сидела, не моргая, как кукла, а Долли глупо хихикала, прикрывая рот салфеткой. Евдокия Павловна морщилась, но молчала.

– Поро-о-оть!!!

Шурочку эти разговоры раздражали. Еще больше раздражал пьяный отец. И Парашку было жалко, она была усердной и вовсе не тупой. И вообще: девятнадцатый век на дворе, господа! Сколько можно применять телесные наказания? И как может один человек принадлежать другому? Если, конечно, тот, кто владеет другим, умнее, честнее и благороднее, то тогда – да. Но среди соседей-дворян были люди глупые и бесчестные, ленивые и малообразованные, и она не понимала, как им можно доверять безраздельное владение людьми? Ведь тот, кто использует труд людей, должен за них отвечать. Должен заниматься их образованием, а не пороть по любому поводу. Вот и в толстых журналах пишут о необходимости реформ. Что такое эти реформы, Шурочка толком не понимала, но если они запрещали папеньке посылать в конюшню на порку девку Парашку, то, без сомнения, были хороши. И их надо было срочно принять.

Шушуканье в доме и после ужина не прекратилось. Все словно ждали чего-то. Наконец прибежала запыхавшаяся Варька, и все накинудись на нее.

– Ну что? Видела? Видела? И как он? Да не может быть!

В конце концов и Шурочку одолело любопытство. Кто он? Она схватила за руку Варьку и потребовала:

– Рассказывай!

– Что рассказывать-то, барышня? – заартачилась Варька.

– О чем это тебя расспрашивали сестры, и какие сплетни привезла старая карга Залесская?

– А вы, барышня, разве ничегошеньки не знаете? – всплеснула руками Варька.

– Ни-че-го!

– Так ведь барин приехал! – радостно сказала Варька, будто барин одарил ее рублем. – Племянник Федосьи Ивановны, молодой барин из самого Петербурха! Все только об этом и говорят! Вся округа!

– Что за барин? Что в нем такого особенного?

– Ох, и барин! – закатила глаза Варька. И затараторила, обрадовавшись: – Я давеча забежала к Акульке, дочке кума моего кузнеца Василия, да через нее попросила у тамошних господ зеленого шелку, как барышня Софи велели. У них намедни кончился зеленый шелк, барышня Мари все придумывает узоры необыкновенные...

– Да ты не про узоры рассказывай!

– Так вот. Бегу я через ихний двор, а тут он! Мама родная! У меня аж сердце зашлось! Лошадь белая, грива колечками, хвост трубой! У папеньки вашего таких-от нет!

– Да ты не про лошадь рассказывай!

– Глаза-то я подняла, да только ах! Аж сердце зашлось! Вот-те крест!

– Что ж у тебя сердце-то зашлось? – усмехнулась Шурочка. – Ну, барин и барин.

– Так какой барин!

– Что же в нем такого особенного? – улыбнулась Шурочка.

– Да все, как есть, барышня, все особенное! Сапоги на нем блестящие, кафтан голубой, волосы черные-черные, а глаза-то синие-синие, чисто небо за окошком.

Шурочка глянула в окно. Дни стояли долгие, солнце еще не клонилось к закату, и, куда ни глянь, разливалась бездонная, без единого облачка синь.

– Врешь!

– Вот-те крест! – заверила Варька.

– Ну а про шелк кто придумал? Ты ж не за шелком зеленым к Акульке побежала. На молодого барина взглянуть. Сама догадалась или сестрица Мари подсказала?

– Ах, барышня, что вы такое говорите! Я только одним глазком! И еще я подслушала, что Марья Антоновна сегодня барыне да барышням за чаем рассказывала. Будто бы барин этот в самом Санхт-Петербурхе стрелялся с другим барином, очень уж важным. И будто бы в этого важного барина синеглазый попал, а тот в него нет. И теперича здесь, в сельце у тетки Федосьи Ивановны, синеглазый ожидает, поправится раненый али же помрет. А было то из-за какой-то важной барыни. Али барышни. Я не расслышала. А если тот барин помрет... Ох, что будет!

– Ах, какая драма! – рассмеялась Шурочка. – Залесская и не такое расскажет!

– А говорят, правда, – обиделась Варька и горячо зашептала: – Все барыни и барышни в округе как про то слышали, будто умом тронулись. Только об том и говорят. Молодой-то барин красавец писанный!

– И как его зовут?

– Соболинские они. И Федосья Ивановна, которая до сей поры в девицах, и барин молодой. Федосья Ивановна племянника Сереженькой зовет.

– Серж? Серж Соболинский здесь? В десяти верстах? Да не может быть! – Шурочка тоже почувствовала смутное волнение.

Соболинский здесь! Про знаменитого племянника Федосьи Ивановны Шурочка была наслышана, как, впрочем, и весь уезд. По слухам, он был красавцем, настоящим денди, и при этом дерзким и безрассудным. Чуть ли не раз в месяц дрался на дуэлях и делал огромные долги. Сама же тетка неоднократно выручала его деньгами, закладывая и перезакладывая земли и фамильные драгоценности. Но любила она племянника безумно и денег на его прихоти не жалела. Да и не мудрено! Серж Соболинский легко разбивал сердца, о его донжуанском списке ходили легенды. По нему сходили с ума дамы высшего света, львицы, блистающие на балах и в великосветских салонах, ради него бросали женихов и разрывали отношения с мужьями. Даже если половина из всего этого правда... Ах! «Ты его видела? И какой он?» – Шурочке захотелось встряхнуть из Варьки все. Впрочем, горничная и так уже все сказала: аж сердце зашлось! Ну, Варьку-то удивить немудрено. Тут и лошадь с гривой в колечках справится. Но все равно. Если хотя бы половина из всего этого правда... Ах! Теперь это чудо, Серж Соболинский, отсиживается после очередной своей проделки у тетки в деревне, и как хотелось на него посмотреть хотя бы одним глазком!

– Ты что ж, с утра туда пошла? Ведь десять верст!

– Подвода шла в Селивановку, вот я и...

– Ах, в Селивановку! Значит, и Вольдемар уже в курсе. Интересно, они знакомы? Впрочем, какая разница?

И она ушла к себе в комнату в глубокой задумчивости. До ночи перебирала в памяти все истории о Соболинском, когда-либо рассказанные Федосьей Ивановной, а та только о племяннике и говорила. Ох уж эти сплетни! И не знаешь человека вовсе, а отношение к нему уже определилось. А вдруг он и не такой вовсе? И собою не хорош? И нет в нем ничего особенного? Вот о Владимире Лежечеве тоже говорили...

А Лежечев как-то разом был всеми забыт. Барыня и барышня гадали, удобно ли будет заехать завтра вечером к Федосье Ивановне? Визит не оговоренный, но, право слово, какие счета меж соседями? Всего-то десять верст! Шурочка в нетерпении перебирала оборки на голубом платье. Маменька до того разволновалась, что даже не спросила про ожерелье, которое давеча грозилась отобрать. И даже помещик Иванцов готов был немедленно ехать к Соболинской, чтобы вместе с блестящим денди вспомнить бравую молодость, службу в гвардейском полку и поговорить о дуэлях. Выиграло ретивое в отставном майоре Иванцове. Нет, поистине, лето только началось, а уж событий довольно, чтобы обсуждать до следующего!

– А ты никуда не поедешь! – злорадно сказала ей Софи. – Тебе места в повозке нет!

– Дура, – показала ей язык Шурочка. – Так и тебе нет.

– Надобно ехать на двух, – разволновалась Евдокия Павловна. – Семейство у нас большое.

– Сашка никуда не выезжает, – напомнила Долли.

– Ах, какая теперь разница? – рассеянно ответила Евдокия Павловна. – Мы же не на бал едем? И не на смотрины к женихам. Пусть поедет.

На следующий день и отправились с визитом. И это «пусть» решило для Шурочки все. И в самом деле, давненько не навещали соседей. Надобно поговорить о погодах, справиться о здоровье. Все ж таки они с Федосьей Ивановной состоят в родстве. Василий Игнатьевич морщил лоб, мучительно пытаясь вспомнить эту степень родства. И Соболинские и Иванцовы родом из этих мест, значит, в родстве! А как иначе? Решительно надо ехать!

Шурочка кусала губы от смеха. Ох, сколько «родственников» объявится сейчас у Федосьи Ивановны! Всем охота взглянуть на щеголя и красавца Сержа. Когда еще он заглянет в эти края? Не местного полета он птица. А если его отправят в ссылку из-за дуэли с важным баринном? А если сюда? И Шурочкино сердце билось, как у пойманной птицы. А куда, интересно, отправляют в ссылку? И как далеко? Вот велит ему царь безвылазно сидеть в имении у Федосьи Ивановны. Пять лет сидеть. А то и десять. И срочно велит жениться. Чтобы уж Соболинский никогда больше не дрался на дуэлях. И тогда будет здесь весело! Ох, как весело!

Шурочка сидела в повозке и все боялась, что маменька спохватится и отправит ее назад. Лишь верст через пять она распрямила спину. На ней было голубое платье и ожерелье с бирюзой. Ах! Взглянуть бы на него хоть одним глазком! Мужчина, по которому сходят с ума самые знатные и красивые женщины столицы! Чем же он их так прельстил? И сестрицы присмирели, не шушукаются, а задумались, каждая о своем.

Федосья Ивановна встретила их, поджав губы. Мало того что в гостиной у нее уж сидят два семейства с девицами на выданье, хотя сегодня и не именины хозяйки, и даже не праздник вовсе. Да и в гости никого из них не звали. Девицы от нетерпения вертятся, и все смотрят в окошко. Федосья Ивановна, едва Иванцовы расселись, натянуто сказала:

– Что ж за день такой? Всем непременно надобно именно сегодня справиться о моем здоровье. Как будто у меня недавно была горячка. С утра одних ближних соседей было семей пять. Сереженька не выдержал и ускакал в поля верхом. Ему сейчас хочется побыть одному. А теперь и дальние соседи приехали. Да здорова я, здорова! – раздраженно сказала она.

– А когда же он будет? – спросила Евдокия Павловна, косясь на разочарованного супруга.
– Да бог его знает. Vingt-quatre ans, ветер в голове.

«Двадцать четыре года...»

– К нам приезжала Марья Антоновна и рассказывала... Впрочем, *c'est peu probable*...

«Маловероятно... О чем это маменька? Маловероятно, что Серж дрался на дуэли? Или что он кого-то ранил?»

– Вы про Сереженьку? Ах, эта история... О ней говорит весь Петербург! – Федосья Ивановна взглянула на соседей победоносно. Раньше не жаловали старую деву, а теперь в один день прикатали все. И девок своих привезли. Но Сереженька – птица другого полета, не для них. Графиня Б* уездным барыням и барышням не чета, дама родовитая, блистает при дворе, муж в больших чинах, а и то скомпрометировала себя перед высшим светом связью с Сереженькой, из-за чего и вышел громкий скандал. Жениться бы ему выгодно. Жениться... Двадцать четыре года... Ветер в голове...

Некстати вздохнула Федосья Ивановна, вспомнив про долги племянника. Ему опять нужны были деньги, да где ж их столько взять? Опять надо ехать в город, в ломбард. Племянник приехал вчера поздно вечером угрюмый и явно чем-то недовольный. Складка залегла меж бровями. Ах, этот ясный лоб, эти смоляные кудри! Как развеять твою печаль, Сереженька? Как? Все мысли лишь об этом. А тут эти сороки. Налетели. Что ж его так тяготит-то, сердешного?

Иванцовы посидели немного да собрались уезжать. Что ж поделать, раз знаменитый Серж Соболинский не желает видеть теткиных соседей? Хозяйка чем-то недовольна, слова цедит сквозь зубы и явно хочет остаться одна. Что ж тут поделаешь? Иванцовы откланялись. Федосья Ивановна все также, сквозь зубы, изволила-таки пригласить на свои именины, которые ожидаются через две недели, в воскресенье, и намекнула, что тогда, скорее всего, ее знаменитый племянник всем и представится. Сестры Иванцовы тяжело вздохнули да тут же принялись считать дни, оставшиеся до именин.

Уже сидя в повозках, они услышали властный окрик:

– Федька! Отворяй! Живо!

Дворовый мужик кинулся к воротам и распахнул их настежь. Тотчас во двор влетел белый взмыленный жеребец. Евдокия Павловна и все барышни Иванцовы обмерли: верхом на лоснящемся от пота белом коне сидел молодой человек в синем сюртуке и блестящих щегольских сапожках. Шурочка невольно подумала: «Господи, бывают же на свете такие красивые люди!»

Серж Соболинский был и впрямь, как герой из модного французского романа! Волосы его казались слишком уж черны, ресницы неправдоподобно густы и длинны, а глаза были удивительно глубоки и цвета поистине необыкновенного! Высокий лоб, томный взгляд, изнеженность во всем его облике, но одновременно и жестокость. Лазоревые глаза равнодушно окинули уездных барышень, но тем не менее, спрыгнув с лошади, он отвесил им небрежный поклон, полный неизъяснимого изящества, и прошел мимо в дом, не изволив задержаться и не найдя для них ни словечка. Иванцовы было замешкались, девицы, открыв рты, уставились в след красавцу, но Василий Игнатьевич рявкнул:

– Трогай!

И оба экипажа Иванцовых выехали со двора негостеприимных хозяев.

– Ах, хорош! Ах, хорош! *C'est admirable!* – твердила Евдокия Павловна. А ее дочери подавленно молчали.

– Ничего в нем особого нет. Как же, восхитительно! – надулся Василий Игнатьевич. – Мальчишка, бретер. Форсу-то, форсу! Видал я в молодости в своем полку и не таких красавцев! Вот, князь З*, например. Или, положим, Верский.

– Нет, папенька. Серж Соболинский – это что-то особенное! – заявила возмущенная замечанием отца Софи. – Таких больше нет!

– Есть, да не про вашу честь! Чтоб и близко к нему не подходили! Слышали, дуры? Глянули – и будет. Знали мы таких. А то потом будут слезы да горячки. – Василий Игнатьевич выразительно посмотрел на свою жену Евдокию Павловну.

– Как, папенька, а именины Федосьи Ивановны? Ах, папенька! Ну, папенька! – загалдела вся женская часть семейства Иванцовых.

– Там и без вас хватит девок около него вертеться. Поедете, поедете. – Иванцов зажал уши, чтобы не слышать девичьих стонов. – Вот принесла его нелегкая в наш уезд! Не было печали, а теперь все в округе словно с ума сошли! Ох, что-то будет! Нелегкая его сюда принесла! Точно!

– Но он же такой красавец, папенька, – простодушно сказала Долли. – И у него такой красивый конь!

Шурочка фыркнула. Ох уж эта Долли! Сама она в разговор не вмешивалась. Сидела, притихнув в другом возке, вместе с Жюли и Мари, но слышала почти все, что говорили родители и глупая Долли. Перед Шурочкиными глазами все еще был молодой мужчина верхом на белом жеребце, тревожил его синий взгляд и ленивые, но сильные движения. Несмотря на изнеженный вид, в нем было что-то по-настоящему опасное. Это был хищник, зверь. Пока он был сыт, добыча его не интересовала. А если бы он был голоден? На месте богатой и знатной графини Б* она, Шурочка, себя тоже бы скомпрометировала, если бы этого потребовал Серж Соболинский. Но зачем ему компрометировать наивную уездную барышню, когда к его услугам баронессы и графини двух столиц?

Конечно, он только мечта, но зато теперь хоть есть о ком помечтать, и идеал мужчины определился: синие глаза, черные волосы, сильные стройные ноги. Да, и ноги тоже! В Шурочке впервые проснулась чувственность. Главное знать, что он где-то есть, пусть далеко, в Петербурге, в салонах богатых графинь, но все равно существует. Как она счастлива, должно быть, эта Б*!

Приехав домой, вспомнили и о Лежечеве. Ни в какое сравнение с Сержем Соболинским он, конечно, не шел, но зато в усадьбу приезжал чуть ли не каждый день и весьма обнадежил барышень Иванцовых. Ожидали, что на именинах у Соболинской все и определится. С кем будет танцевать Владимир – та и есть его невеста. По такому случаю маменька наскребла денег на новые платья для Мари, Софи и Долли. Жюли решили оставить в белом, а Шурочке перепало практически новое красное платье Долли: узкое в талии, с модными рукавами, лиф с глубоким вырезом и очень пышная юбка. Долли вдруг закапризничала и потребовала нового платья. Она топала ногой и кричала, что красное ей не идет. Ну, не идет! Как всегда, Долли сказала глупость, но маменька не стала с ней спорить. Все были взволнованны. О Шурочке позабыли, и платье она взялась перешить сама. Работы там было немного, она справится. Можно, конечно, и без платья обойтись, что ей платье? Ее же на именины никто не возьмет. Но почему бы ни помечтать о том, кто мог бы в этом платье оценить ее красоту? Хотя она понимала, что они больше никогда не увидятся. Погруженная в эти грустные мысли, Шурочка тяжело вздохнула.

До глубокой ночи она перешивала платье и в рассеянности исколола себе все пальцы, но боли не чувствовала. Как же ей хотелось, чтобы синий взгляд перестал быть таким равнодушным и хоть разок остановился бы на ней! Впрочем, она понимала, что об этом грезил все барышни в округе. Красное платье было почти готово, когда она улеглась спать, но долго еще ворочалась без сна. Потом легко вздохнула и вспомнила слова: «А вы не любите тех, кто не любит вас, а любите тех, кто любит, и будете счастливы». Как же она была глупа! Да как не любить-то, коли любится? И что ты теперь с этим поделаешь?

Рано утром она побежала на конюшню седлать Воронка, пока родители не спохватились и вновь не наложили запрет на прогулки верхом. Бешеная скачка и степной ветер слегка остудили ее пыл.

– И не буду любить! Не буду! – кричала она.

Но мир вокруг словно преобразился. Все приобрело особый смысл и изменилось за одну только ночь. Как страстно хотелось ей совершить что-нибудь необыкновенное! Убежать куда-нибудь, с кем-нибудь поговорить по душам, в конце концов, просто расплакаться. Да, да, расплакаться! Вместо этого она гнала лошадь, подставляя разгоряченное лицо степному ветру, который совершенно растрепал ее золотые кудри. Глаза сияли, щеки покраснелись, и никогда еще она не была так хороша.

Наконец она почувствовала усталость и придержала лошадь, и свернула в сосновый бор, где было прохладнее. Здесь начинались владения старого графа, но пока он отсутствовал (а отсутствовал он всегда), претензий к соседям о нарушении границ никто не предъявлял. Шурочка любила здесь гулять, в бору было свежо и тихо, пахло хвоей, по обеим сторонам тропинки стояли высокие стройные сосны.

Она опять задумалась и погрузилась в мечты. Впереди показался просвет. Сейчас она вновь окажется в степи и пустит Воронка галопом...

Белый взмыленный жеребец вылетел ей наперерез. Невольно она вскрикнула. Это было так неожиданно, что она не справилась со своей лошадыю. Воронок заржал и встал на дыбы, а она слетела на землю. Ударилась больно, но слезы высохли сами собой, когда совсем близко Шурочка увидела испуганные синие глаза.

– Простите, мадмуазель! – взволнованно сказал Серж, который тут же спрыгнул с лошади и подбежал к ней. – Я вас напугал, – сказал он по-французски. – Я не ожидал здесь кого-нибудь встретить. Вам больно? Вы ушиблись?

– Ничего, я сама виновата. Простите.

Она оперлась о протянутую руку и легко поднялась.

– Я вас где-то видел? – все так же по-французски спросил Серж.

– Вчера. – Она говорила по-русски, и он стал отвечать ей также. – Не беспокойтесь, со мной все в порядке.

– Вот как? Вы приезжали вчера к тетушке, – вспомнил он. – Я еще обратил внимание на ваши удивительные глаза. Позвольте заметить, что в том голубом платье вы были восхитительны.

Теперь голос его был вкрадчивым, и Шурочка от смущения порозовела. Он рассматривал ее, не стесняясь, и улыбался.

– Могу я узнать ваше имя?

– Александра. Дочь помещика Иванцова. Мы живем в десяти верстах. От имени вашей тетушки, я хотела сказать, – засмутилась она.

– Вот как?

– Я младшая из сестер.

– Александрин... Можно мне вас так называть?

Она кивнула в ответ.

– Вы в одиночестве совершаете столь дальние прогулки... А что ваши родители? Или, как вы сказали? Старшие сестры? А что они?

– Я непослушная дочь. И плохая сестра.

Он рассмеялся и довольно вальяжно произнес:

– Здесь, в глуши, я откровенно скучаю, и эта встреча для меня настоящий подарок.

– Я вовсе не подарок, – рассердилась она.

– Это вы так считаете? Или вам так сказали? Я уверен, что не мужчина. Ревнивая женщина, я полагаю. Это от зависти, Александрин.

Сегодня он был совсем другим. Голос ласковый, взгляд внимательный. Но это ее пугало. Она понятия не имела, о чем с ним разговаривать? И боялась сказать какую-нибудь глупость, хотя никогда не отличалась робостью и сдержанностью.

– Простите, мсье Соболинский, что я прервала вашу прогулку. Вы прячетесь здесь от соседей или от назойливых барышень?

– Прячусь? Пожалуй. А вы разве не меня здесь искали, Александрин?

– Я? Искала? Впрочем, вы правы: вас все ищут. И только вас. Мы тоже здесь скучаем. И ваш приезд для нас просто подарок, – насмешливо сказала она. Вроде бы прошло. Слова пришли, пусть и не те, какие надо, но она хоть не молчит.

– Может быть, вы тоже прячетесь в этом лесу, Александрин?

– Может быть. Только я прячусь в этом лесу, увы, не от женихов, – горько сказала она. И невольно вздохнула.

– Как странно.

– Отчего же?

– Если бы я вдруг задумал жениться на уездной барышне, то непременно просил бы вашей руки, и только вашей. Ваша редкая красота и темперамент обещают такие сладкие минуты...

Его взгляд странно потемнел, голос стал низким. Теперь он смотрел на ее шею и ниже, на грудь... Она вздрогнула. «Какие еще сладкие минуты? Что он такое говорит? Впрочем, здесь, в лесу, никого нет, он может говорить все, что ему вздумается. И делать тоже. Сама виновата. Вот почему юным барышням нельзя оставаться наедине с мужчинами! А с такими, как Серж, и вовсе нельзя! И прав был папенька. Сто раз прав...»

– Мне пора. Папенька рассердится. – Она схватила за повод Воронка.

– Вы же непослушная дочь. Куда же вы так торопитесь? – Он накрыл своей горячей ладонью ее руку и придержал повод. Солнце словно бы направило все свои лучи в одну только точку, так горячо стало ее руке. Шурочка мгновенно расплавилась под ними. Она почувствовала, что этот человек уже взял власть над нею, и если он захочет... Она поспешно выдернула свою руку:

– Прощайте!

– Постойте! Я только хотел предложить вам продолжить утреннюю прогулку вместе. Я буду вас сопровождать. И защищать.

В его голосе была откровенная насмешка. Она вскочила на Воронка и развернулась, чтобы ехать обратно, в имение. Серж Соболинский стоял на опушке леса и со странной улыбкой смотрел ей вслед.

О своей встрече с Сержем в сосновом бору она никому не сказала. Да и что говорить? Он сделал что-то недозволенное, но что именно, она не могла объяснить. Да и не хотела. Потому что... Потому что ей это понравилось. Да, понравилось! Ей все в нем нравится! Абсолютно все! Он совершенство, у него нет недостатков! Шурочка как-то сразу резко повзрослела. Она уже поняла, что это лето будет для нее особенным. Это не может ничем не закончиться. Что-то будет. Но Соболинский *никогда* не женится на провинциальной барышне, к тому же бесприданнице, как бы хороша она ни была. Ему этого не надо. Все знают, что у Сержа огромные долги и его дела может поправить только выгодный брак. Федосья Ивановна говорит, что это возможно. Еще бы это было невозможно! А потому забыть. Но забыть нельзя. И что же делать? Шурочка совсем запуталась.

Она смотрела в книгу, но не могла прочитать ни строчки и подумала в отчаянии: «Господи, что же делать, ведь я его люблю! И он ко мне, кажется, равнодушен. Я ему понравилась. Но он не того будет добиваться. Не руки моей. Если он и увезет меня из Иванцовки, то не женой. Господи, что же будет?» – и она в отчаянии захлопнула книгу.

Почему-то в этот день Лежечев не приехал, хотя его ждали, и ждали с надеждой. Пора бы определиться. Владимир должен как-то обозначить свой интерес: ради кого из барышень он приезжает в имение Иванцовых? Папенька хмурился, а маменька вздыхала. Сестры занимались кто вышиванием, а кто и просто сидел, смотрел в окошко и тоже вздыхал. Шурочка улучила минутку и отвела в сторонку Жюли.

– Юленька, надень, пожалуйста, завтра другое платье. Тебе не идет белое.

Жюли глубоко вздохнула:

– Что ж поделать, если я такая некрасивая?

– Ты милая, – улыбнулась ей Шурочка. – Ты во сто раз лучше других сестер! Знаешь, что я готова сделать ради тебя? Все. Все, что ты хочешь!

– Нет, Сашенька. Ты мне ничем не поможешь.

Нос у Жюли покраснел. Так было всегда, когда она собиралась заплакать. А слезы у нее были близко.

– Тебе нравится Лежечев?

– Да разве я смею? Мне даже думать об этом страшно.

– Трусиха! Ты что... Ты любишь его?

– Саша!

– Любишь. Но он же такой скучный! Такой серый, такой...

– Что ты такое говоришь! – Жюли даже плакать перестала. – Сашенька, да как ты можешь такое говорить про *него*! Ты же ничего в нем не поняла! Он замечательный! Он самый добрый, самый умный, самый красивый... Он... Он – лучший!

– Вот как?

– Он даже ни разу на меня не посмотрел. Я так некрасива! И платья мне нового не купили. Все думают, что я ему не пара... И правильно думают...

– Юленька, не плачь.

– Что же мне остается? Если он женится на ком-нибудь из сестер, я умру. Ведь нам придется с ним часто видаться. И как же? Лучше умереть! Ах, я сама не знаю, что говорю, – с тоской в голосе произнесла Жюли.

«Ну, вот тебе и роман! – невольно вздохнула Шурочка. – Где все говорят о смерти, потому что страдают от несчастной любви. Ну, вот и дождались! Но только не я. Я не собираюсь умирать. И плакать я тоже не собираюсь».

– Милая Юленька. Он женится на тебе, чего бы мне это не стоило.

– Но при чем здесь ты?

– Потому что я начинаю их понимать, – со значением сказала Шурочка.

– Кого?

– Мужчин. У меня со вчерашнего дня словно горячка.

– Ты заболела? – испугалась Жюли. – Дай мне свою руку. Уж не жар ли у тебя?

– Да! Жар! Сегодня утром, в лесу я встретила Сержа Соболинского. Только тише, умоляю, тише! Не кричи! А жар у меня со вчерашнего дня, когда я его увидела!

– Ты встретила Соболинского?! Он с тобой говорил?!

– Да, и еще пожал мою руку. Положил на нее свою ладонь, и я почувствовала, что между нами что-то случится.

– Ты с ума сошла! Он никогда на тебе не женится, Сашенька!

– На мне никто не женится. Приданого за мной не дают, родители меня ненавидят, говорят, что я – отродье. Так какая разница?

– Не смей! Я маменьке расскажу!

– Если помешаешь мне, то никогда не выйдешь замуж за Вольдемара, – пригрозила она.

– Саша! Да что ты такое говоришь?!

– Молчи. Как я сказала, так и будет. Только и ты уж меня не забудь. Как только выйдешь замуж за Лежечева, забери меня к себе. А лучше в Москву! Или в Петербург!

– Да что ты такое говоришь?!!

– Молчи и слушай. Иного пути для меня нет. Уехать хочу. Здесь мне все одно житья не будет. Делай так, как я скажу, и все будет так, как ты хочешь. И не надевай белое, я тебя прошу. Остальное я устрою.

Она еще не представляла, как это сделает, но точно знала, что Жюли не должна страдать. Она, бедняжка, и постоять за себя не может, только льет слезы. Если Владимир Лежечев женится на другой сестре, то и Шурочке никто уже не поможет. Надежда только на Жюли.

...А на следующий день началось! Только-только она закончила переделку нового красного платья, приехал Владимир Лежечев. Шурочка как раз примеряла обновку. Вырез был глубоким, и ее полная грудь казалась в нем особенно соблазнительной и невольно притягивала взгляды. Шурочка глядела в зеркало и сама себе нравилась. Красный был ее цветом. Ей, яркой блондинке, он шел гораздо больше, чем темноволосым сестрам, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Красный цвет определенно был очень к лицу, ведь Шурочка и сама была как язычок пламени, и темперамент ее Серж Соболинский оценил верно. Ему бы этого не знать!

Лежечев уже был в гостиной, и она спустилась вниз, так и не переодевшись. Жаль было снимать такое платье.

– Вырядилась! – прошипела маменька, увидев ее. – Немедленно сними! Что за дрянное платье! Тебе оно не к лицу!

Но Вольдемар уже целовал ее руку и не собирался отпускать младшую из сестер Иванцовых от себя. Мнение маменьки насчет красного платья он явно не разделял. Теперь Шурочка поняла: она ему нравится! Не поэтому ли Лежечев сюда зачастил? Они присели на кушетку и заговорили о погоде. Погода и в самом деле была хорошая. Дожди кончились, все время светило солнце. Он говорил о видах на урожай, а сам невольно косился на ее грудь в глубоком декольте. Шурочка торжествовала: у нее уже проснулась потребность бить любую дичь, без разбору, соблазнять всех мужчин, которые находятся в пределах досягаемости. Она почувствовала свою силу. Мари кусала губы от злости, Софи бросала в их сторону злые взгляды. Обстановка в гостиной все более накалялась.

И вдруг случилось то, чего уж никто не ожидал. К ним во двор въехал всадник на белом жеребце, они увидели это в окошко, и Шурочка с удивлением узнала в нем Соболинского. За Сержем идет такая охота, и нате вам, сам пожаловал! И именно к Иванцовым! Все словно окаменели. Смятение длилось недолго. Евдокия Павловна кинулась встречать дорогого гостя, одновременно послав за мужем. В гостиной вскоре появился растерянный Василий Игнатьевич, но поняв, что происходит, приосанился. Вот вам, пожалуйста! Какие важные господа в его доме! И какие женихи!

Вошел Соболинский, непринужденно раскланялся с хозяином и Лежечевым и галантно приложился к ручке каждой из сестер. И вновь он был ничуть не похож на себя прежнего. Ни на того скучающего денди, что окинул их во дворе своего дома равнодушным синим взглядом, ни на вчерашнего соблазнителя в лесу. Соболинский вел себя так, будто находится в столице, в высшем свете, в модном салоне, а окружают его сплошь важные господа. Манеры у него были безупречные.

– Само очарование, – тихо простонала Евдокия Павловна.

– Сам дьявол, – сквозь зубы сказал Василий Игнатьевич Иванцов.

Шурочка была последней, к чьей ручке Серж подошел. И задержал ее в своей долгие других.

– Потрясен, – услышала она. – Беру свои слова обратно насчет голубого платья. Вы неотразимы именно в красном.

– Мсье Лежечев, мы с вами встречались последний раз в... – сказал Серж, распрямившись и повернувшись к молодому помещику.

– Я не помню, – хмуро сказал Вольдемар.

– Вот как? Я тоже. Значит, это было давно.

«Выходит, они знакомы? – подумала Шурочка. – Почему бы нет?»

Владимир Лежечев повел себя странно: мгновенно замкнулся в себе. Зато Соболинский принялся любезно развлекать разговором Евдокию Павловну и девиц Иванцовых: пересказывал столичные сплетни, давая известным всем персонажам смешные характеристики. Через каких-нибудь десять минут они уже не верили всему, что говорили в уезде о Серже, так он был мил и любезен. У Соболинского была удивительная особенность: когда он говорил ни о чем, не имеющим никакого смысла, казалось, что произносит он что-то значительное и важное. Если бы он захотел, то мог бы сделать карьеру, этот талант в политике очень ценится. Но его это, похоже, не волновало. Ни карьера, ни служба.

Лежечев все хмурился и смотрел на Сержа осуждающе. А того это, казалось, только забавляло.

– Прошу прощения, что задержался с визитом, – улыбался Серж Евдокии Павловне, небрежно покачивая ногой. – Я должен был сделать это еще вчера. Я много слышан о вас. Семейство Иванцовых заслуживает особого внимания, – с намеком сказал он. Шурочка вспыхнула, а Василий Игнатьевич приосанился.

– Но я устал с дороги, и потом... Проблемы, господа, проблемы, – перешел он на французский. – Вы, конечно, слышали о моем последнем приключении? – рассмеялся вдруг Соболинский.

– Вы, кажется, опять на дуэли дрались? – мрачно спросил Лежечев.

– Именно так. А вы почему оставили военную службу? – поинтересовался у него Серж. – У вас ведь, кажется, были успехи?

– Я решил устроить свою жизнь здесь, в уезде. Мой отец недавно скончался.

– Примите мои соболезнования, – равнодушно сказал Соболинский. – Все мы смертны.

– Кому, как не вам это знать, – с иронией заметил Владимир Лежечев. – Ведь вы с такой легкостью отправляете людей на тот свет.

– Я ссоры не ищу, – слегка нахмурился Серж. – Что ж поделаешь, если у меня такая жизнь? Все как-то само собой случается.

– Я вижу, вы легко к этому относитесь.

– К дуэлям? А разве можно иначе? Что наша жизнь? Пока играешь ею, тебе все удается. Как только задумываешься о смысле ее, все и заканчивается. Только и остается, что скрыться в глуши, заняться *хозяйством*. Возможно, и мне когда-нибудь придется оставить свет и поселиться здесь. Этаким важным барином, либералом, одеться в старый халат, начать курить трубку и позабыть, как делаются долги.

– У вас это не получится.

– Отчего же?

– Оттого, что большие долги можно делать везде, если это вошло в привычку.

– Деньги нужны в столице. А здесь они зачем? И я вполне могу, как и другие, поселиться в деревне и делать вид, что радею о крестьянах.

– Для этого надо иметь истинно русскую душу, – сердито сказал Лежечев.

– А вы, господин Лежечев, как я погляжу, славянофил?

– Я просто люблю все истинно русское.

– И женщин, разумеется?

– Мсье Соболинский! Здесь дамы!

– Пардон, – лениво сказал Серж. – Я только хотел сказать, что русские женщины очень красивы. Я и сам их люблю. Но я вижу, вы джентльмен, хотя это ведь не русское слово. Изво-

лите выдать русский вариант? Или его не существует? Как называется человек, шепетильный в вопросах чести? Или вы собираетесь пулей отвечать, а не словами? Я готов!

Лежечев нахмурился и хотел ответить резко, но Серж тем временем улыбался так, будто беседа шла о пустяках. Но нет! Шурочка вздрогнула. Эта улыбка вовсе не была приятной. Она была хищной. Соболинский нарочно злит Вольдемара. Он кого-нибудь или чего-нибудь боится, этот синеглазый нахал? Или ему так хочется умереть? Пока его выстрелы точны, а рука тверда. Везунчик, баловень Фортуны. У Лежечева скулы затвердели, а на щеках заходили желваки. Господи, они почти уже успели поссориться!

– Господа, господа! Вы шутить изволите? – беспомощно улыбнулась Евдокия Павловна.

– Отчего же, маман, они всерьез собираются стреляться, – вмешалась Шурочка. Лежечев и Соболинский одновременно повернулись к ней. – Ведь один – западник, а другой – славянофил! Я правильно сказала? Из-за этого что, теперь убивают? Из-за расхождения во взглядах?

– Ну, до дуэли еще не дошло, – мило улыбнулся Серж. – Мы, разумеется, шутим. Вы правы, Александра Васильевна: расхождение во взглядах не повод для дуэли. Иное дело, честь женщины... – насмешливо сказал Серж.

– Да, да, – встрепнулся Василий Игнатьевич. – Честь женщины. Я помню, году в десятом...

Шурочка перевела дыхание. Теперь солировал папенька, а соперники молчали. Взгляды, которыми они обменялись, были враждебными. Она подумала, что разговор этот похож на продолжение серьезного спора, который давно уже был между ними. Как выяснилось, они друг друга знают. Это взаимная неприязнь, и давняя. Шурочка чувствовала, что она не причина, но повод. Присутствие молодой красивой женщины их распаляет.

Лежечев нашел-таки момент, чтобы ей сказать:

– Этот человек для вас опасен, Александрин. Не верьте всему, что он говорит.

– Отчего же?

– Я знавал его раньше, в бытность свою в Петербурге. Он компрометирует женщин одним лишь своим присутствием. Вам нельзя находиться рядом с ним.

– Да вам-то что за дело?

– Потому что он приехал в этот дом затем же, зачем и я.

– И зачем?

– Видеть вас, слышать ваш голос, и...

– Александрин! – Маменька, кажется, почуяла неладное и уже спешит к ним. – Собирается дождь, ты бы накинула на плечи шаль.

– Дождь, какой дождь? – Она посмотрела в окно. – На небе ни облачка!

– Господа! Не хотите ли чаю? А ты иди к себе, накинь шаль, – не слушала ее Евдокия Павловна. – Господа, здесь немного развлечений, которые мы могли бы вам предложить... К большому нашему сожалению.

– Вы не составите как-нибудь вечером партию в карты Евдокии Павловне? – оживился помещик Иванцов. – Она страстная почитательница игры в бостон, а я, признаться, не любитель карточной игры. Были времена, когда... Эх, да что там говорить! – махнул он рукой. – Но сейчас, господа, не играю. Давно уже не играю.

Василий Игнатьевич со вздохом посмотрел на жену. Ее приданое он спустил именно в карты.

– С большим удовольствием! – Лежечев понял, что объясниться не удастся, и решил подождать удобный момент.

– Завтра вечером, если хозяева не возражают, – слегка поклонился Серж. – Карточная игра – моя страсть.

– Решено, – кивнул Лежечев. – Завтра вечером и я непременно буду у вас.

«Ах! – отражалось в глазах у всех сестер Иванцовых. – Неужели они будут здесь и завтра?! А главное, здесь будет Серж!»

Шурочка же прогрузилась в свои мысли. Вольдемар только что открылся ей. Впрочем, это не совсем признание в любви, а лишь признание в том, что он бывает здесь только ради нее. А разве это не одно и то же? И как же теперь быть с Жюли? И потом: Лежечев может и ошибаться. Визит Сержа, это всего лишь визит вежливости. Но едва они вышли в сад, Соболинский подошел к ней и шепнул, слегка сжав ее руку:

– Я жду вас завтра, на том же месте. Александрин... В то же время...

Она вздрогнула. Его голос обжигал, как и давеча его рука. Она почувствовала себя беспомощной.

– Я не могу...

– Вы боитесь?

– Да.

Он оглянулся: Иванцовы были заняты Владимиром Лежечевым, и сказал тихо, со значением:

– Одна только встреча, большего я не прошу.

Оказывается, это была всего лишь просьба! А Шурочкино сердце восприняло ее как приказ. Да зачем ему нужно это свидание? Но раз он этого хочет... Она еле заметно кивнула и произнесла губами: «Завтра на том же месте. Утром. Я приеду». Лежечев уже спешил к ним.

– Александра Васильевна, я много рассказывал о заграничных вояжах, но совершенно упустил из виду Санкт-Петербург, – в сердцах сказал он, глядя на Соболинского. – Хоть господин Соболинский уже зачислил меня в славянофилы, однако же я не могу похвалить русскую столицу так же, как и русские обычаи. Это скверное место, и нравы там весьма скверные.

– И люди, вы хотите сказать? – зловеще улыбнулся Серж.

– Я там служил, в так называемой «новой» гвардии. И оставил службу не далее как этой весной. И мы встречались с вами в Петербурге, мсье Соболинский, в салоне у графини Б*, если вы изволите это припомнить.

– Я прекрасно это помню.

– Тогда, должно быть, вы вспомните и то, что графиня сейчас при смерти? У нее родильная горячка.

– Судя по всему, вы получаете почту из Петербурга гораздо чаще, чем я.

– Так теперь и вам это известно. Пусть даже из моей почты.

– И что с того?

– Вы разве не изволите завтра же отбыть в Петербург?

– Родильная горячка графини Б* не имеет ко мне никакого отношения, – насмешливо сказал Серж. – Она имеет отношение к ее мужу.

– Но его ранение имеет прямое отношение к вам!

– Я разве виноват в том, что люди вдруг взялись умирать? Если бы я хотел его убить, я бы убил. Но он только ранен. Следовательно, я этого и хотел. Родильной горячки его жены я не хотел вовсе. Повторяю: это не имеет ко мне никакого отношения. Я намерен провести лето в деревне. Это полезно для моего здоровья.

– Напрасно вы так полагаете. Могут возникнуть обстоятельства, при которых отдых в деревне станет столь же опасным для здоровья, как и жизнь в столице.

– Тогда мне тем более нечего терять.

Они вновь обменялись многозначительными взглядами. К гостям уже спешила Евдокия Павловна, которая решительно не понимала, что вообще происходит. Отчего такой тон? Почему мужчины ищут ссоры и именно в ее доме?

– Господин Соболинский, я не смею обременять вас просьбой... Ах, да что там! Словом, я попросила бы вас оценить, как моя дочь поет. И вас, господин Лежечев.

– Александрин? Она поет? – произнесли в один голос и переглянулись мужчины. Именно этот предмет, то есть младшая дочь Иванцовых, занимала их обоих.

– Нет, что вы! Я говорю о Долли!

– Извините, в другой раз. Тетушка заждалась, – поспешно откланялся Соболинский.

Шурочка закусила губу. Как бы не рассмеяться! Бедный Серж! Они таки навяжут ему сестрицын мышиный писк! Найдут такую возможность! Соболинский вскоре уехал, стало «немного легче дышать», атмосфера разрядилась.

– Мне тоже пора, – сказал вскоре и Лежечев и поднялся. – Вынужден откланяться. Дела. Александрин, вы не проводите меня?

– Я?

– Да. Вы.

– Но...

– Это неприлично, – сделала замечание Евдокия Павловна. – Молодая девушка, наедине с мужчиной...

– Извините. Я забылся. – Он и в самом деле был взволнован.

Провожали его всем семейством, но Лежечев все-таки улучил минутку, чтобы сказать ей то, что хотел. Вернее, потребовал ответа на вопрос:

– Что он вам сказал? Соболинский?

– Откуда вы это взяли?

– Я видел, как он пожимал вашу руку, и этот его взгляд... Мерзавец!

– Ну и что?

– Он погубит вас. Вы себе даже не представляете ту пропасть...

– А по какому праву вы меня предостерегаете?

– По какому праву? Что ж, это верно. Но, поверьте, к тому моменту, как он успеет заняться вами всерьез, у меня будут все права. Вас некому защитить, у вас нет братьев, а ваш отец... Этим займусь я, – сказал он решительно.

«Боюсь, что уже поздно, – подумала она. – Поздно. Завтра утром у нас свидание, и у меня совсем нет сил, противиться ему. Я вовсе не хочу, чтобы меня от него защищали. Не хочу...»

Вечер этого дня, который так замечательно начинался, был ужасен. После того как уехал Лежечев, папенька вызвал ее в свой кабинет. Евдокия Павловна была тут же, и вид у родителей был грозный.

– Ну-с? – строго спросил Иванцов.

– Я не понимаю.

– Да? – вмешалась Евдокия Павловна. – Не понимаешь? Как ты была сегодня одета? А как ты себя вела? Отвечай, дрянь! – взвизгнула она.

– Не кричите на меня!

– Что-о? – затопал ногами Василий Игнатьевич. – Ты что, отродье, себе позволяешь? Замуж захотела? Замуж?! Поперед сестер?! Против воли моей?! Запомни: ты живешь только моей милостью. Ни гроша за тобой не дам. Если они хотят опозорить свой род – пусть берут в жены девку. Но я молчать не стану. Как только твой «жених» узнает правду, он о тебе и думать забудет. Владимир Лежечев человек благородный. И с таким отродьем, как ты, судьбу свою не свяжет. Не утихомиришься, так он все узнает.

– Но я не понимаю...

– Надо будет, я это и тебе скажу. А сейчас – прочь.

– И чтобы платья этого я больше не видела! – добавила Евдокия Павловна. – Выкинь немедленно!

«Господи! Неужели же никто за меня не заступится? Что я им сделала? Как будто бы им оскорбительно уже одно только мое существование! Меня все ненавидят! Все! Впрочем, нет.

Вольдемар хочет меня защитить и говорит о каких-то обязательствах. Но ему никто этого не позволит. Я одна, совсем одна. Плакать? Ну, нет!»

Сестры с ней не разговаривали, даже любимица Жюли. Рассердилась за Лежечева. Лишь Долли фыркнула, глядя в сторону, не на нее:

– Подумаешь! Если бы я надела зеленое, то все смотрели бы только на меня! И еще они не слышали, как я пою! Маменька говорит, что у меня замечательный голос! А у Сашки его вовсе нет!

«И не надейся, – подумала Шурочка. – Если бы мною столько же занимались и разрешили бы музицировать, то и в самом деле было бы, что послушать!»

Она пораньше легла спать, отказавшись от вечернего чая. С ней по-прежнему никто не разговаривал, сестры дулись, а родители сердились. Шурочка даже испугалась, что маменька запрет ее на ключ, а главное, запретит седлать для нее лошадь, и не быть тогда свиданию с Сержем. Но нет, этого не случилось. Она встала потихоньку и, отказавшись от завтрака, шмыгнула на конюшню. Ей было все равно, что случится потом. Как ее будут ругать и чем именно грозить. Ах, если бы можно было никогда к ним не возвращаться! Никогда...

Он уже был там, на опушке. Белый жеребец, привязанный к сосне, занервничал, завидев Воронка. Кони даже попытались друг друга укусить, между ними сразу же возникла вражда. Шурочка соскочила с лошади прямо в объятия Сержа. Впрочем, он ее сразу же отпустил, словно боясь спугнуть, и томно сказал:

– Александрин, я жду вас уже почти час.

– Я думала, вы долго спите.

– Не сегодня. Я так и не смог уснуть.

– Только не говорите, что вы меня безумно любите, что из-за этого не спали ночь.

– Отчего же, если это так?

– Я же вижу, что вы врете, – сердито сказала она.

– А если я скажу, что приезжал вчера именно из-за вас? – вкрадчиво спросил Серж. – В это вы поверите?

– В это поверю.

– Но если это не любовь, что же тогда?

Она молчала.

– В вас есть какая-то тайна. Я справился у тетушки. Говорят, что отец не дает за вами приданого. И будто бы он поклялся, что никогда и ни при каких условиях не выдаст вас замуж. Это правда?

– Да, это так.

– И вы с этим согласны?

– А вы что ж, жениться на мне хотите? – с вызовом спросила она.

Серж рассмеялся.

– Как же я могу это сделать, если этого нельзя? Но ведь я люблю вас. Я люблю тебя, слышишь? – требовательно сказал он. – Мы просто созданы друг для друга. Нам надо быть вместе.

Она молчала. Серж взял ее за руку и с нежностью привлек к себе. Это был их первый поцелуй. Голова у нее закружилась, ноги подогнулись сами собой. Он целовал ее нежно, но страстно. Шурочка сама не помнила, как отвечала на поцелуи, но оторваться от него не могла. В глазах был туман, а мысли путались. Что ж, она его хотела, и вот он с ней. А дальше что? Горячка, слезы? Что потом? И как? Он-то уедет в Петербург, а что будет с ней? Но ведь это единственный луч солнца в ее жизни! Другого может и не быть. Теперь и она понимала: им надо быть вместе. Все, что происходит здесь, в это лето, не случайно. Но ведь еще вчера...

– Еще вчера ты так не думал, – выдохнула она, отстранившись.

– Милая, мужчины так устроены, – снисходительно сказал Серж. – Ты хочешь правды? Хорошо, я скажу тебе правду. Если тебе нравится хорошенькая женщина, то с этим легко можно справиться. На свете много хорошеньких женщин. Но если же эта женщина нравится кому-то еще... Если эта женщина нравится кому-то еще, это увеличивает ее привлекательность ровно вдвое. И с этим уже справиться труднее. Если же человек, который может ею завладеть, твой смертельный враг...

– Лежечев твой враг?

– Значит, ты поняла?

– И это хороший способ с ним рассчитаться? Так? И это увеличивает привлекательность женщины уже втрое? Или даже вчетверо?

– Ты и это поняла, – рассмеялся Серж. – Вот видишь, я не могу тебе врать. Я сам не понимаю: что происходит? Обычно я веду себя с женщинами не так. Сначала я решил поволочиться за тобой потому, что ты показалась мне доступной. Тебя никто не возьмет под защиту, твоя судьба никого не волнует. Напротив, от тебя ждут серьезного проступка, чтобы сурово наказать. Я кругом получаюсь прав. Драться на дуэли за твою честь не будет никто. Хотя и дуэли меня давно уже не пугают. Я легко отношусь и к жизни, и к смерти, потому что видел ее не раз. Я уже столько раз умирал, что, право слово, надоело. После третьего завещания, которое я написал, во мне поселился покой. Я увидел здесь, в глуши, хорошенькую женщину и решил за ней приударить. Надо же чем-то себя занять? Но потом у меня возникло странное чувство, будто нас что-то связывает. Помимо нас, помимо нашей воли. Что-то должно произойти. Ты не чувствуешь? – Он крепко сжал ее руку.

– Да, чувствую.

– Должно быть, он уже здесь.

– Он?

– Человек. У которого есть то, что мне нужно. И который сам, должно быть, меня уже ищет. Я не случайно оказался в этом лесу. Я ищу с ним встречи. А нашел тебя. Кто знает, быть может, я нашел то, что мне было предначертано? Ты, верно, будешь смеяться... – На его лице и в самом деле появилась улыбка. – Цыганка нагадала, что в лесу я встречу женщину, которая меня погубит. Белую женщину верхом на черной лошади. «Беги от нее!» – предостерегла меня цыганка. Признаться, я сам над нею посмеялся. Я не верю в гадания. И в это не поверил тем более. Я не боюсь ни белых женщин, ни черных лошадей, – насмешливо сказал Серж. – Бежать? Ну, уж нет! – Он опять привлек ее к себе.

– Ты говоришь загадками, мне это не нравится. Но плохое предчувствие есть и у меня, хотя я и не цыганка. Поцелуй меня, Сережа, быть может, дурные мысли пройдут...

Любовное свидание затягивалось, ее могли хватиться. Но в его объятиях она забывала обо всем. Соболинский не торопился, словно знал, что добыча никуда уже не денется. Его губы изучали ее не спеша, он откровенно наслаждался каждой частичкой ее существа.

Наконец Шурочка от него оторвалась. Поднялась, поправила платье и вытерла губы.

– Я буду у вас сегодня вечером, – потягиваясь, сказал Серж.

– Отец злится. Ухаживай за кем-нибудь из сестер, иначе ты меня больше не увидишь.

– И за кем же? – усмехнулся он.

– За Долли. Она глупа.

– Но мне этого мало, – он взглядом указал на ее грудь, – я хочу видеть тебя сегодня ночью. Выходи в сад. Я буду там. Я приметил у вас в саду белую беседку...

– Завтра, – сказала она, заливаясь краской.

– Хорошо. Пусть завтра. Но я буду там и сегодня. Ночью. Отныне я всегда буду там, где ты.

Шурочка погрузилась в мысли. Зачем он врет? Но пусть в ее жизни будет хотя бы одно лето счастья, а дальше... Дальше уж как-нибудь. Они поцеловались на прощанье, и она поскакала

домой. Соболинский опять смотрел ей в след и на этот раз не улыбался. Лицо его было задумчивым.

Глава 3

Ночь она провела почти без сна с одной тревожной мыслью: неужели же он там, в саду, в белой беседке? Хотелось немедленно бежать туда и проверить. А вдруг не врет? Между ними и в самом деле существует какая-то мистическая связь. Стоит только об этом подумать, как ей делается страшно. Цыганка... Белая женщина верхом на черной лошади... Белая? Да, у нее светлые волосы. Человек? Что за человек? И что это за таинственные связи, о которых говорит Серж?

Ее состояние было похоже на болезнь. Шурочка словно бредила. Она уже все для себя решила. Будь что будет! Судьбу надо искушать. Не выигрывает тот, кто не рискует и ничего не предпринимает. Хуже смерти ничего быть не может, а это рано или поздно случится со всеми, и с ней в том числе. Значит, надо решиться. Они могут видаться только тайком на опушке леса или ночью в беседке. На именины к Федосье Ивановне ее теперь уж точно не возьмут. Шурочка тяжело вздохнула. Вот и закончились для нее балы, так и не успев начаться!

Завтракать ее не позвали. Варька принесла скудную еду и, поджав губы, сказала, что барыня и барин все еще сердятся и из этой комнаты ей выходить запрещено. Шурочка сначала тоже рассердилась, а потом обрадовалась. Открыла окно и, прихватив с собой книжку, вышла на балкончик, а оттуда ловко спустилась в сад. Она проделывала это уже не впервые. Из книг же в ее комнате оказался лишь припрятанный лубок со сказкой про алмаз.

Она дошла до беседки. А был ли здесь ночью Серж? Принюхиваясь, словно гончая, она пыталась обнаружить его следы. Был он здесь или же не был? Или же это была очередная ложь? Ей показалось, что пахнет табаком, одна из веток сирени обломана, а еще вчера этого не было. Или было?

В смятении она прошла дальше, к озеру. Села в лодку и переплыла на другой берег. Ноги сами несли ее по тропинке, и она не заметила, как оказалась в усадьбе старого графа. Калитка была приоткрыта, она прошла в парк. Села на одну из мраморных скамеек, положив на колени книгу. Но ей не читалось. Она поняла, что с нетерпением ждет вечера.

– Мадмуазель... Что вы здесь делаете? Кто вы?

Шурочка невольно вздрогнула. Фраза была сказана по-французски. Ей стало вдруг страшно, она дернулась, и книжка упала с колен. В страхе не поднимая глаз, Шурочка увидела, как ее тут же подняла чья-то рука.

– Мадмуазель, я хотел бы получить объяснения.

Она решилась-таки взглянуть на того, кто это сказал. Перед ней, без сомнения, был знатный человек, вельможа. Она сразу поняла: это и есть старый граф! Хотя он оказался вовсе не стариком, как она себе это представляла. Роста выше среднего, худощавый, волосы короткие, темные, но виски совсем уже седые, пронзительные серые глаза, тонкие губы. При одном взгляде на него в груди холодело. Он с любопытством смотрел на книгу, которую держал в руке.

– Извините. Простите, ради бога, простите! – Она вскочила, лепеча что-то по-французски.

– Я сильно вас напугал? – перешел он на родной язык, видимо, не понимая ни слова. – Я этого не хотел. Я просто хотел узнать, что вы здесь делаете, и откуда это у вас? – Он взглядом указал на книгу.

– О, это... Это так, пустяки. Извините.

– Сядьте, – велел он.

Шурочка без сил опустилась на мраморную скамью. Какой позор! Старый граф застал ее в своем парке, куда она вошла без разрешения! С книжкой, купленной у коробейника! Со смешной сказкой! Что он о ней подумает? Как ему, должно быть, смешно!

– Откуда это у вас? – требовательно спросил он, опустившись рядом с ней на скамью. – Впрочем, нет. Сначала: кто вы?

– Младшая дочь помещика Иванцова.

– Иванцов? – наморщил он лоб. – Не слышал о таких.

– Мы ваши соседи. О! Вы же здесь почти не бываете! Откуда же вам знать?

– Как вы здесь оказались?

– Переплыла на лодке через озеро. Калитка была открыта, и я...

Он улыбнулся:

– И часто вы так делаете?

– Я... Я больше никогда не буду...

– Ладно, оставим это, – поморщился граф. – Откуда у вас это?

– Книга?

– Пусть книга. Так откуда?

– Я... Купила ее у коробейника.

– У коробейника?

Он принялся листать книжку. Она сидела ни жива ни мертва. Сначала граф был мрачен, а потом вдруг улыбнулся и сказал:

– Это забавно. Никогда не думал, что история может иметь последствия. Разумеется, здесь много неточностей и преувеличений...

– Что вы имеете в виду? – жадно спросила она.

– Мадмуазель... – он внимательно посмотрел на Шурочку, – вы не подарите мне эту книгу? Взамен я не буду возражать против ваших прогулок по моему парку.

– Книгу? Господи, да конечно! Я вовсе не люблю сказок! Просто ничего другого под рукой не оказалось, а мне надо было... Я хотела прогуляться.

– Как вас зовут? – ласково спросил он.

– Александра.

– А вашего отца?

– Василий Игнатьевич Иванцов. Отставной майор.

– А я, Александра Васильевна, хозяйин этой усадьбы. Граф Ланин, – он слегка поклонился, – Ланин Алексей Николаевич.

«Что я должна сделать? – в смятении подумала она. – Книксен? Здесь, в саду? Я уже и так его рассмешила. Странно, что он меня еще не прогнал!»

– Что же вы молчите, Александра Васильевна?

– Я испугалась, – честно ответила она.

– Чего?

– Вас. О вас такое говорят!

– Что именно? – с интересом спросил он.

– Говорят, что вы человек важный. Занимаетесь государственными делами. Живете то в столице, а то и за границей, в Париже...

– У меня там большой дом.

– О, какой вы счастливый! – с восторгом сказала она.

– Счастливый? – удивился он. – Оттого, что у меня дом в Париже? Поверьте, есть вещи, которые отравляют мое существование не только в России, но и во Франции.

– Но вы же так богаты!

– Деньги дают относительную свободу и покой, но никак не счастье. Хотя некоторые видят счастье именно в этом: в свободе и покое.

– А почему вы не видите?

– Я непременно должен ответить? Это длинная история, Александра Васильевна, она вас утомит. По молодости лет мы совершаем ошибки, не думая о последствиях. Вот вы, напри-

мер... – Шурочка смутилась под его пристальным взглядом. – Могу поклясться, что вы влюблены.

– Да с чего вы это взяли? – залилась она краской.

– Все юные незамужние девицы влюблены. А вы одна, на лодке переплываете на другой берег озера, пусть и небольшого, гуляете в парке, в чужой усадьбе...

– Я еще и на лошади скачу по степи одна! – с вызовом сказала она.

– И уж, конечно, не считаете это ошибкой? – улыбнулся граф.

– Я могу постоять за себя!

– Хотите стать к барьеру? – Его серые глаза теперь смеялись, возле них собрались морщинки, отчего взгляд потеплел и подобрел. – А не тяжел ли дуэльный пистолет для нежной женской ручки?

Он вдруг взял ее руку и поднес к своим губам. Она покраснела еще больше.

– Итак, вы влюблены, – сказал граф, тотчас отпустив ее руку. – И хотите быть там, где находится предмет вашей страсти... Вы позволите мне нанести вам ответный визит и представиться вашему батюшке? Нельзя пренебрегать соседями, Александра Васильевна.

– Что вы, граф! Вы напугаете моего отца до смерти!

– Я постараюсь быть незаметным, – усмехнулся он. – Вы, должно быть, ожидаете сегодня гостей?

– Да, соседей. Маменька хотела играть в карты... Господи, что я такое говорю?! – Она схватилась ладонями за пылающие щеки.

– Вам надо домой. А книгу я возьму себе. Пусть это будет вашим подарком. Поверьте, я не люблю оставаться в долгу... – сказал он со значением. – Значит, вы читаете не только сказки, Александра Васильевна? Должно быть, иностранные романы? Все о той же любви?

– Вы давно не были в провинции, граф. – Шурочка рассердилась, и голос ее окреп. – Не надо думать, что провинциальные барышни живут в прошлом веке. С тех пор как в России появились Карамзин, Пушкин и Лермонтов, «Страдания юного Вертера» даже у нас в провинции отошли на второй план. Я забыла еще про господина Грибоедова.

– Вы читали «Горе от ума»? – с интересом спросил граф.

– И многое другое. Я и в самом деле люблю романы, но «Евгения Онегина» предпочитаю сочинениям Жорж Санд. Жизнь и страдания Татьяны Лариной мне ближе и понятнее, чем приключения Корины и Консуэло. И Карамзина я тоже читала, «Историю государства Российского», – гордо добавила Шурочка. – Мне нет нужды читать переводные романы, ведь они не о той жизни, которая за моим окном. Я люблю жить настоящим. Если хотите знать, я читаю и журналы. Публицистика мне тоже интересна.

– Довольно смело для влюбленной барышни, – усмехнулся граф. – Вот уж не думал, что хорошенькую головку могут занимать умные мысли.

Она поднялась со словами:

– Если я и люблю, то это касается только меня. Это мои переживания, и только мои. Они вовсе не от того, что я начиталась любовных романов и мне больше нечем себя занять. Я вовсе не собираюсь лить слезы и умирать от любовной тоски, а если моя любовь будет несчастной, я брошу это, полюблю снова и все равно своего добьюсь! Я буду счастливой! Даже без дома в Париже! И без этого парка, который прекрасен! Да, он прекрасен! И дом тоже! Но я не буду плакать из-за того, что у меня этого нет! Даже если вы запретите мне сюда приходить! Не буду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.